

ПОБЕДЫ И ГЕРОИ РУССКОГО ФЛОТА

Владимир Шигин

ГЕРОИ ПАРУСНОГО ФЛОТА

Победы и герои Русского флота

Владимир Шигин

Герои русского парусного флота

«ВЕЧЕ»

2011

Шигин В. В.

Герои русского парусного флота / В. В. Шигин — «ВЕЧЕ»,
2011 — (Победы и герои Русского флота)

ISBN 978-5-4444-8688-7

Новая книга известного писателя-мариниста Владимира Шигина посвящена героям российского парусного флота. Подвиги большинства из них, к сожалению, почти забыты. Это в высшей степени несправедливо! Перед взором читателя пройдет целая плеяда выдающихся деятелей нашего флота. Они отважно сражались с врагами Отечества на морях и океанах, совершали невероятные по смелости путешествия и делали выдающиеся открытия, покоряли целые государства и освобождали европейские столицы, влюблялись и ненавидели. Среди героев книги: любимец Петра I «первый охотник русского флота» Конон Зотов и адмирал-каторжник Соймонов, освободители Бейрута и Неаполя капитан-лейтенанты Кожухов и Белли, легендарный Геркулес России капитан 1-го ранга Лукин, бесстрашные капитаны «Юноны» и «Авось» лейтенант Хвостов и мичман Давыдов, первооткрыватель Новой Земли штурман Пахтусов, выдающийся флотоводец адмирал Нахимов и другие...

ISBN 978-5-4444-8688-7

© Шигин В. В., 2011

© ВЕЧЕ, 2011

Содержание

Первый охотник российского флота	6
Царский любимец	7
Герой Эзеля	11
Око государево	13
Последние бои	16
Последний корабль Петра	19
Всенижайший патриот...	28
Питомец навигацкой школы	29
Волны каспийского моря	31
На служебных перепутьях	34
Конфидент князя Волынского	37
Дела каторжные	39
Губернатор всея Сибири	42
Осень патриарха	44
Из рода Сенявиных...	45
Новое назначение	46
На море Азовском	49
Герой патрасского сражения	53
Грозами отражая гром	57
Герой Хиосской баталии	58
Крушение «Родоса»	60
Храбр, но своенравен	62
Звездный час	64
Любимец флота	67
За мной, кто в Бога верует!	69
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Владимир Шигин

Герои русского парусного флота

© Шигин В. В., 2011

© ООО «Издательский дом «Вече», 2011

*Моему папе, Шигину Вилену Михайловичу, ветерану атомного
подводного флота России, посвящаю с любовью*

Первый охотник российского флота

В дождливый промозглый день 23 октября 1915 года в Петрограде на верфи Путиловского завода собрался народ. Спускали на воду очередной эскадренный миноносец. После панихиды священник собора Спаса-на-водах окропил кованый форштевень святой водой. Так начал свою жизнь корабль, которому дали имя «Конон Зотов».

Царский любимец

Дворянский род Зотовых существовал еще в XVI веке. Некий Зотов (имя его неизвестно) был одним из чиновников двора царевича Дмитрия Ивановича в Угличе и пострадал за дачу показаний, не согласных с видами правителя, на следствии об убийстве царевича 15 мая 1591 года.

Когда в марте 1677 года царь Федор III предложил царице Наталье начать ученье младшего брата Петра Алексеевича, то учителем был выбран дьяк Челобитного приказа Никита Моисеевич Зотов – правнук углического строптивца. Биограф Зотова пишет: «Он был человек с большим природным умом и с хорошим сердцем, так что, выбранный с целью способствовать враждебным инсинуациям против мачехи царя Федора и ее потомства (со стороны любимцев царствовавшего государя), Зотов не оправдал надежд избирателей, был два раза удален от своего царственного воспитанника, но остался при нем и сохранил в его мнении хорошую репутацию. С воцарением его Зотов занял видное место в совете государя и в его интимном кружке, из любви к царственному воспитаннику принимая на себя и председательство на пирах с ролью князя-папы. В способностях старого учителя Петр никогда не сомневался и поручал ему ведение дел по своей домашней, ближней канцелярии. В сане думного дьяка был уже Зотов, в правление Софьи, послан в Крым на посольство; при самодержавии же Петра, называясь ближним советником, Никита Моисеевич Зотов имел титул генерал-президента Тайной канцелярии и на радостях взятия Выборга лично пожалован графом (8 июля 1710 года). Никита Моисеевич женат был два раза; от первой супруги имел он трех сыновей: Василия, Конона и Ивана Никитичей».

Герой нашего повествования Конон Зотов (второй из сыновей Никиты Моисеевича) родился в 1690 году. Когда юноше исполнилось четырнадцать лет, его в числе других недорослей-дворян отправили в Англию для обучения всяческим наукам.

Оказавшись за границей, Конон прилежно взялся за науки. Он учил языки и медицину, математику и военное дело. Все было интересно, но душу не волновало: едва выпадала свободная минутка, Конон бежал в порт. Свежий соленый ветер, запах моря и смоленых канатов, смелые мужественные люди – все было ново и сказочно-неправдоподобно для русского юноши, выросшего вдали от морских просторов. Ночи напролет просиживал Конон среди бывалых морских волков, слушая бесконечные истории их странствий и приключений.

Долго боролся Зотов с собой; наконец не выдержал и отписал в Москву отцу, чтоб тот попросил царя разрешить ему учиться на моряка. Прочитал Никита Моисеевич сыновнее послание и понес его Петру.

– Вот, – сказал, – государь, полюбуйся, что шельмец мой пишет. В моряки ему захотелось. Ну не дурень ли?

– Не твой ли Конон за неполных три года языками многими овладел крепко?

– Мой, государь! – с гордостью молвил Никита Моисеевич.

– А не твой ли Конон книжку бурбонскую о науке фортификации на язык наш переложил весьма складно?

– Мой! – Старик Зотов не понимал, куда клонит его воспитанник.

Подойдя к столу, Петр молча наполнил вином до краев здоровенный кубок.

– Пью здоровье первого российского «охотника», на моря идущего, – Конона Зотова! Виват!

В тот же вечер написал Никита Моисеевич ответ сыну: «...Что просишь меня с письменным ответом, дабы позволено было тебе от меня Англии служить на кораблях? Которое письмо изволил великий государь вычесть и... тебя похвалить и за первого охотника на... его государевом любимом деле вменить и десницею своею по письмам благословить и про

твое недостойное такой... милости здоровьишко пил кубок венгерского, а потом изволил к тебе с великой милостью писать своею государевой десницей».

Письмо же самого Петра было более конкретно. Царь давал понять юному волонтеру, что ему надлежит учить и на каких судах следует плавать. С этого времени между ними завязалась многолетняя переписка, вошедшая сегодня в отечественную историю как важная часть русской культуры начала XVIII века. К чести Конона, по яркости письма он мало в чем уступал своему венценосному учителю.

Четыре года провел Зотов на британских кораблях, многому научился у бывалых мореходов.

В 1711 году, испытывая острую нужду в опытных моряках, Петр вызвал Зотова в Россию. Несколько дней на встречу с родными – и Конон получил назначение на одно из судов зарождавшегося Балтийского флота.

– Наум Сенявин, капитан сей шнявы! – представился ему высокий молодой офицер.

– Зотов, из волонтеров! – пожал его руку Конон.

Так началась дружба, пронесенная через долгие годы и многие испытания...

Три кампании провели Сенявин и Зотов в непрерывных плаваниях. В один из выходов в море случилось несчастье – работавший на мачте с парусами Конон поскользнулся и упал за борт в штормовое море. Спасла Зотова лишь расторопность Сенявина: он отважился на очень смелый маневр, и матросы успели выхватить Конона из кипящего водоворота...

Вскоре приспело Зотову и первое серьезное поручение – перевести из Пернова в Ревель купленный за границей корабль «Перл». Несмотря на ветхий такелаж, необученную команду и свежую погоду, Конон выполнил это задание. В том же 1714 году он получил высокое по тем временам звание капитан-поручика. Казалось, карьера царского любимца складывалась весьма успешно. Однако судьба готовила Конону тяжелое испытание. Дело в том, что отец Конона граф Никита Моисеевич (сам Конон графского титула не носил) занимал при Петре двусмысленное положение всешутейшего патриарха и президента всепьянейшей коллегии. Это обстоятельство не могло не сказаться и на отношении при дворе к его сыну.

Предоставим слово историку: «Он (Конон Зотов – *В.Ш.*) недаром учился в чужих краях, был человеком... с умом живым и увлекающимся. Можно себе представить теперь его положение при дворе, где отец его, по царскому желанию, разыгрывал роль начальника над компанией известных пьянчужек... И вдруг ко всему этому старик Зотов решил жениться, и при дворе задолго начали делать приготовления к свадьбе, которая должна была отправляться шутовским образом».

И Конон не стерпел обиды. Не убоясь царского гнева, он написал Петру резкое письмо. Послание это задело самолюбие Петра.

– Зарвался сын твой! – кричал он на Никиту Моисеевича. – Уже меня поучать начал!

В тот же день последовал указ: «Ехать ему (Конону – *В.Ш.*) Франции в порты морские, а наипаче где главный флот их. И там буде возможно и вольно жить».

Так началась вторая заграничная командировка Зотова.

Царь Петр бывал скор на расправу, но был и отходчив. Скоро между ним и Зотовым вновь завязалась оживленная переписка. «Все, что ко флоту надлежит на море и в портах, сыскать книги, – писал царь, – также чего нет в книгах, но... от обычая то помнить и все перевести на славянский язык нашим штилем; только храня то, чтоб дела не проронить, а за штилем их не гнаться».

Конон поспевал всюду. Его видели в библиотеках и в портах, в университетах и в арсеналах. Интересы Зотова были поистине безграничны. Довольно часто Петр и сам писал к Конону Зотову, который, находясь впоследствии агентом царя во Франции, давал Петру советы вроде следующих: «Понеже офицеры в адмиралтействе суть люди приказные, которые повинны юриспруденцию и прочил права твердо знать, того ради не худо бы, если бы

ваше величество указал архиерею рязанскому выбрать двух или трех человек лучших латинистов из средней статьи людей, т. е. не из породных, ниже из подлых, – для того, что везде породные презирают труды (хотя по пропорции их пород и имения должны также быть и в науке отменны пред другими); а подлый не думает более, как бы чрево свое наполнить, – и тех латинистов прислать сюда, дабы прошли оную науку и знали бы, как суды и всякие судейские дела обходятся в адмиралтействе. Я чаю, что сие впредь нужно будет. Прошу милосердия в вине моей дерзости: истинно, государь, сия дерзость не от единого чего, только от усердия».

В другом своем письме царю он, к примеру, писал: «В Париже есть адмиралтейский приказ, и я потщусь правление оного описать... Потом поеду в Брест и Рошефорт и, приглядываясь к порядкам на берегу, не пропущу случая взять вояж на воинских кораблях, чтоб видеть порядок в командах офицерских... (шлюзового) мастера нашед, я их видел и спрашивал, могут ли чистить реки, у которых дно каменное. Они сказали, что могут...»

Энергичный моряк не удовольствовался тщательным исполнением поручения. В письмах к Петру он предлагал иметь постоянного представителя в Париже (вскоре таковым был назначен И. Лефорт), считал необходимым обучать за границей юриспруденции офицеров, назначаемых для работы в Адмиралтейств-коллегии. Еще пример: брату Василию Конон Зотов написал из Парижа о важности должности генерал-ревизора во Франции. Содержание письма стало известно Петру I и послужило основанием для введения в России столь важного поста, как генерал-прокурор.

Еще одной из обязанностей Конона Зотова во время его второй заграничной командировки было руководство и контроль за всеми обучающимися в Европе нашими гардемаринами. К этому делу, как и ко всем остальным поручениям, Зотов относился очень серьезно и ответственно. Уже распределяя гардемарин на службу в иностранных флотах, капитан-поручик был поражен нищетой, в которой жили молодые люди, не имевшие богатых родителей. В Париже он раздал им всё, что имел из одежды, и возмущенно писал на родину, что «...легче было бы видеть их смерть, нежели такую срамоту нашему отечеству, и лучше было бы их перебить как поросят, нежели ими срамиться и их здесь с голоду морить...»

Следил Зотов и за моральным обликом наших гардемарин. Из письма Конона царю из Франции: «Господин маршал д'Этре призывал меня к себе и выговаривал мне о срамных поступках наших гардемарин в Тулоне: дерутся часто между собою и бранятся такою бранью, что последний человек здесь того не сделает. Того ради отобрали у них шпаги». Немногим позже новое письмо: «Гардемарин Глебов поколол шпагою гардемарина Барятинского и за то за арестом обретается. Господин вице-адмирал не знает, как их приказывать содержать, ибо у них (французов) таких случаев никогда не бывает, хотя и колются, только честно, на поединках, лицом к лицу».

Особенно же ценной для России была деятельность Зотова как наиболее подготовленного военно-морского разведчика. Петра очень волновали военные приготовления Турции, и Конон под видом торгового человека отправился на купеческом судне в Константинополь, где собрал все необходимые сведения, а также произвел съемку крепостей и гаваней.

Заведя необходимые знакомства, Конон занялся дипломатической работой. Здесь первому «охотнику» доводилось особенно нелегко: он боролся не только с чужими, но и со своими. Чего стоило одолеть находившегося во Франции Лефорта (племянника знаменитого сподвижника Петра), который добивался подчинения всей русской торговли одной из влиятельных французских торговых компаний. Независимость отечественной торговли удалось отстоять, но неугомонный Зотов нажил себе немало врагов в России. Сдержанный в эмоциях, все обиды он хранил в себе. И лишь иногда, когда терпеть оскорбления и несправедливость было совсем не вмоготу, он в отчаянии хватался за перо: «...Мне теперь всотеро пуще, нежели бы я с пятью кораблями неприятельскими в огне горел...».

В редкие минуты отдыха, в основном ночами, переводит Зотов и переправляет на Родину в большом количестве морскую и техническую литературу, руководит обучением русских волонтеров за границей, среди которых был и В. И. Суворов (отец А. В. Суворова). Для пользы общего дела Конон не жалел ничего. В одном из своих писем из Бреста на имя секретаря царя Макарова он писал так: «Я от своей ревности все, что имел при себе, им роздал: парик, кафтан, рубахи, башмаки и деньги, одним словом, себя разорил...» Дело в том, что французское адмиралтейство, которое отвечало за обеспечение русских гардемарин, словно в издевку удерживало у себя присылаемые им на учебу деньги, выдавая в день каждому по двенадцать копеек. Голодные гардемарины целыми днями рыскали по городу в поисках какой-либо черной работы. Ведь даже мундир стоил пятьдесят ефимков. Где уж тут думать об учебе! Конон делал для этих «нищих хлебоядцев» все, что было в его силах.

– Так мне прискорбно поведение французское, – выговаривал он в сердцах русскому посланнику в Париже, – что лучше видеть смерть перед глазами своими, нежели такую срамоту Отечеству нашему!

В конце концов Зотов добился своего, и гардемаринам стали аккуратно выплачивать деньги. Порой, охваченный азартом деятельности, Зотов терял чувство меры, его, что называется, заносило. Тогда секретарь Макаров делал ему замечания, на которые Конон реагировал весьма болезненно. «...Мне кажется, что немного худова в моих письмах, – отвечал он Макарову, – но самая моя ревность как к царскому величеству, так и к Отечеству. Пожалуй, отпиши, дабы я мог по вашим письмам или прибавить или убавить оную ревность. А что здесь делается, и о том чрез письмо до царского величества известуется. Так знай царских ребят! Как сие узнают наши министры, что я чаю, что будут мне искать погибели, быв зависть самая и хранящие свой партикулярный интерес».

В пылу усердия завел Зотов знакомство с французским маршалом и вице-адмиралом д'Эгре, который настойчиво привечал русского волонтера.

– Меня сей маршал любит, что сына родного! – хвастался друзьям доверчивый Конон.

В одной из бесед д'Эгре издали завел речь о том, что хорошо бы женить царевича Алексея Петровича на одной из дочерей герцога Орлеанского – это положительно сказалось бы на отношениях Франции с Россией. Приняв все на веру, Конон тут же начал энергично действовать и немедленно донес о состоявшейся беседе Петру, предложив свои услуги в этом деликатном деле. Петр, прочитав письмо, был взбешен своеволием «охотника».

– Он что, белены объелся?! – кричал царь в ярости.

Вскоре Зотов получил с письмом от Макарова большой нагоняй, дабы больше в подобные дела не ввязывался.

Ранней весной 1719 года Конон Зотов возвратился в Россию. С собой он привез богатые материалы по иностранным флотам. Петр встретил своего «охотника» радушно. От царя Конон вышел уже капитаном корабля «Рандольф». А спустя еще некоторое время перешел на 52-пушечный корабль «Девоншир».

Герой Эзеля

Боевые операции на море были в самом разгаре. Русский флот переходил к активным действиям. Зотова в Ревеле встречал Наум Сенявин – капитан корабля «Портсмут». Не видевшиеся столько лет, друзья обнялись. Конон сразу же взялся за дело со всей серьезностью.

– Наш Конон во всем силен! – шутил Сенявин, видя, как терпеливо учит Зотов своих офицеров банить пушки, точно и без помарок вести счисление да помнить назубок все флажные сигналы.

В середине мая от пленного шведского шкипера стало известно, что из Пиллау в Стокгольм скоро выйдет отряд неприятельских кораблей, предназначенный для охраны и конвоирования купеческого каравана, который поджидает его в Стокгольме. Счастливый случай нельзя было упускать, и Федор Апраксин вызвал к себе капитана «Портсмута».

– Выходить тебе, не мешкая, в море, Наум, – сказал сурово, брови хмуря. – Под свое начало бери все суда имеемые. Да торопись, швед ждать не будет!

Под команду к кавторангу поступили шесть кораблей и шнява. Неся всевозможные паруса, они устремились на поиск неприятеля. Два корабля остались крейсировать у Ревеля, остальные пошли дальше. Пройдя остров Сааремаа, «Портсмут» и «Девоншир» сошлись бортами. Сенявин, свесившись за перила, советовался с Зотовым, как быть далее.

– Ни к Стокгольму, ни к Пиляву нам плыть не с руки, – делился он своими сомнениями с другом. – Стеречь надо где-то посередке! Как мыслишь?

– Мыслю так же, Наум. Надо плыть к Борнхольму и поджидать шведа там! – отвечал Конон после минутного раздумья.

Прибавив парусов, отряд устремился на север. В ночь на 24 мая между островами Борнхольм и Готска-Сандо с передового «Портсмута» обнаружили неизвестные суда. По сигналу Сенявина корабли устремились в погоню. Через несколько часов стали различимы беглецы: то были линейный корабль, фрегат и шхуна. Флагов на судах не было. В пятом часу утра «Портсмут» и «Девоншир» сблизилась на дистанцию стрельбы. Двумя пушечными выстрелами Сенявин потребовал от настигнутых обозначить национальную принадлежность судов. Только тогда на их грот-стенях взвились шведские флаги. Сражение началось. Было оно жестоким и продолжительным. Противники «стояли друг против друга от пятого часа до девятого». Шведам удалось перебить штаги и марс-фалы на «Портсмуте», упали оба марсея, и корабль потерял ход. Ведший с ним бой шведский линейный корабль стал быстро уходить. «Девоншир» Зотова вел тем временем поединок со шведским фрегатом и заставил его бежать. Искусно маневрируя, Конон Зотов погнался фрегат прямо под пушки «Портсмута». Поняв намерение друга, Сенявин успел развернуть свой корабль и расстрелял фрегат продольными картечными залпами. После недолгого сопротивления тот выкинул белый флаг. Вслед за фрегатом сдалась Зотову и попавшая под огонь его корабля шхуна (по другим данным – бригантина). Остальные корабли отряда устремились вдогонку бежавшему шведскому флагману, который также был вскоре пленен.

Победа была полная. Русские моряки потеряли девять человек, противник – более пятидесяти. Победителям достался 52-пушечный корабль «Вахмейстер», 35-пушечный фрегат «Карлскронванен» и 12-пушечная шхуна (бригантина) «Бернгардус». Среди четырехсот пленных был и командир отряда капитан-командор Врангель.

Героев сражения встречал в Ревеле сам Петр. Добрым почином флота российского назвал он славную викторию. За победу Наум Сенявин был произведен сразу в контр-адмиралы, а Конон Зотов – в капитаны 2-го ранга. В честь победы была отлита медаль.

Обеспокоенные усилением русского морского могущества на Балтике и ослаблением Швеции в войне, англичане в июне того же 1719 года ввели в Балтийское море эскадру адмирала Ноульса. Едва английские корабли вошли в Зунд, Петр вызвал к себе Зотова.

– Боюсь, как бы Ноульс сей не образовал со шведами единого флота противу нас, ибо успехи наши громкие многим не по нутру! А посему надлежит тебе, Конон Никитич, вступив в капитанство над фрегатом «Самсон», плысть на нем к оному Ноульсу с моею декларацией, – поделился он своими тревогами.

– Исполню, государь, все в точности! – отвечал Зотов.

Через несколько часов «Самсон» уже резво бежал по волнам, держа курс к датским проливам.

Передав английскому адмиралу петровскую декларацию, в которой значилось, что Россия не возражает против свободного плаванья коммерческих судов всех наций по Балтике, однако будет препятствовать всякому доставлению шведской контрабанды, Зотов успел еще и разведку произвести. Хорошо зная британский флот, он сразу оценил боевые возможности и мощь английской эскадры. В обратный путь он отправился с письмом адмирала Ноульса. Тот сообщал Петру, что пришел в балтийские воды лишь с целью защиты своих коммерческих судов, а также для того, чтобы оказать дружественное содействие в заключении мира между Швецией и Россией.

– Врет, подлец! – заключил царь, прочитав послание. – Изворачивается! А тебе, Конон, мое благодарение за содеянный тобой подвиг!

В руках Петра был сделанный Зотовым обстоятельнейший отчет об английской эскадре. Там были даже характеристики британских капитанов. И когда только успел!

Не поверив ни единому слову Ноульса, Петр приступил к активной подготовке возможной борьбы с англичанами. В то время Ф. М. Апраксин высадил десант на шведском берегу севернее Стокгольма. Швеция была в панике.

А Зотов меж тем получил новое поручение – подготовить к возможной обороне от англичан Ревельский порт. Конон, как всегда, взялся за дело основательно. Он не только укрепил оборону, но и разработал оригинальный план противодействия неприятелю с применением брандеров и изобретенных им специальных бонов «с тройными спицами для защиты». Стенки гавани Конон предложил вымазать на французский манер негорючими смолами. Но англичане так и не решились выступить на стороне Швеции. Мощь Российского флота была слишком очевидной, а решимость Петра I бороться до конца не вызывала сомнений. В 1721 году был подписан долгожданный Ништадский мир, и Россия окончательно утвердилась на балтийских берегах.

Око государево

Едва отгремели праздничные фейерверки, как Зотова ждало новое назначение. В марте 1720 года он становится главным контролером Адмиралтейств-коллегии. Должность эта предполагала контроль за соблюдением законности в коллегии и выявление всех дел, идущих во вред государству. Днем Конон, не жалея сил, трудился в конторах, ночами же с не меньшим воодушевлением выполнял новый приказ Петра – готовил первый российский Морской устав. Писанное им редактировал лично царь, он же написал и свое знаменитое предисловие к доброхотному читателю. Первый Морской устав действовал на Руси без особых изменений вплоть до эпохи парового флота... Вопиющее беззаконие и воровство в Адмиралтейств-коллегии вынудили Конона обратиться к царю с докладной запиской о чинимых безобразиях. Одновременно требовал он внимания к своей должности и грамотных помощников. Записка обошлась Конону Зотову дорого. Через день после написания он был взят под стражу, якобы за клевету. Но через несколько дней, разобравшись во всем, Петр I освободил Конона и оставил в прежней должности.

Самое поразительное, что во главе недругов Конона стала его мачеха. Как мы знаем, Конон с самого начала был против шутовской женитьбы своего спивающегося отца. На этой почве сразу же обострились отношения между пасынком и мачехой Анной Еремеевной Зотовой (в девичестве Пашковой). После смерти Матвея Зотова в 1720 году противостояние пасынка и мачехи за родовое имение Зотовых Лыткарино достигло своего апогея. Именно тогда из-за интриг Анны Еремеевны и графа Матвеева, к которым с радостью присоединились многочисленные флотские недруги главного контролера, Конон Никитич и был заключен под стражу. К счастью, ненадолго. Немаловажную роль во всем этом играл пресловутый вопрос наследства. Но, получив свою часть большого поместья в селе Лыткарино, Анна Еремеевна ее уже не выпускала. Не имея детей (прямых наследников), она все же умудрилась выиграть судебный процесс и завещать зотовское имение своему внучатому племяннику (не имеющему никакого отношения к Зотовым), тогда как родной сын Матвея Зотова этот процесс проиграл.

Из биографии героя: «В 1720 году моряка арестовали и препроводили в Юстиц-коллегию за “дерзкое непристойное доношение”. Сам Конон Никитич объяснял арест кознями мачехи. Шестью годами ранее Никита Моисеевич женился на вдове капитана Стремоухова, и Петр I задумал сделать из бракосочетания комедийное действо. К. Зотов просил царя избавить семейство от позора, но не преуспел. Свадьба запомнилась весельем и непристойностью. После смерти Никиты Зотова завязалось дело о его наследстве. Видимо, из-за этого Зотова и оговорили. Но вскоре он оказался на свободе и выполнял новое ответственное поручение».

Но и после случалось лихо. Действуя, как всегда, смело и решительно, первый «охотник» Российского флота быстро нажил себе врагов. С особой неприязнью относился к нему вице-адмирал Сиверс, которого Зотов изобличил в преднамеренном раздутии береговых штатов и урезании корабельных. Петр наказал вора, но Сиверс с тех пор затаил злобу на дотошливого контролера.

Отныне за каждым его шагом следили денно и нощно, каждое его слово и поступок тут же доносились императору. Скоро, очень скоро понял Конон, что клеветников предостаточно. А когда в одиночку стало бороться неважно, написал письмо Петру: «...Научи, как жить, если дать о себе отповедь, то вздором называют, а если смирно себя вести, то озлоблениями и обидами несносными... находят». Одновременно он попросился на корабль: «...А я лучше на Балтии хочу умереть, нежели от кнута и дыбы... да мимо идет чаша сия моя».

И снова Петр поддержал своего «охотника».

– Мой Зотов по своей учености да к службе радению, почитай, целой эскадры стоит! – объявил он.

Но на корабли не отправил, а оставил на прежней должности. Честные люди были в цене во все времена!

В 1722 году Конон Зотов дописал первую в русском флоте книгу морских сигналов, которая легла в основу всех последующих сводов. Одновременно он трудился над созданием партикулярного (коммерческого) Морского устава, горячо одобренного Петром.

Не успел первый волонтер отложить в сторону рукопись партикулярного устава, как тут же взялся за работу над учебником для российских мореходов с длинным по тем временам названием: «Разговор у Адмирала с Капитаном о команде. Или полное учение како управлять кораблем во всякие разные случаи. Начинаящим в научение, отчасти знающим в доучение, а не твердо памятным в подтверждение. Учинил от флота капитан Конон Зотов». Книга рассматривала вопросы управления кораблем в море, съёмки с якоря, постановки парусов и другие. «Разговор...» был написан в форме диалога между адмиралом и капитаном, причем обсуждение серьезных вещей Зотов совмещал с юмором и соленой флотской шуткой. Так, на вопрос адмирала о том, как узнать, хорош ли корабль на ходу, капитан отвечает: «...Когда корабль на прытком ходу своим трясет задом, то значит, что пропорция в его строении есть добрая».

В предисловии к книге Конон Никитич писал: «Читатель благий, изданием сея книжицы я не думаю ученого учить, я от таковых требую только милостивого внимания, а благодарного принятия сих моих малых трудов требую от тех, которые дворянские знатные дети ныне обретаются в морской службе и желают с великим усердием поучиться корабельному управлению во всяких разных могущих приключиться причинах, и весьма надлежало бы давно таковую книжку издать, для того, что у всякого бы было твердо и без конфузий бы управляли чем надлежит; а капитанам бы вместо того чтоб сердиться, он бы ими радовался и рекомендовать бы был готов и никто бы уже из них не боялся экзаменации...»

По книге Зотова учились многие поколения русских моряков. Учебник переписывали от руки, а редкие, рассыпающиеся от ветхости экземпляры передавали от отца к сыну, от деда к внуку. Через сто лет, в 1816 году, «Разговор...» прочитал император Александр I и был совершенно очарован книгой. Тут же последовало высочайшее распоряжение о немедленном переиздании книги с полным сохранением стиля и вида подлинника.

К середине 20-х годов XVIII столетия Зотов становится фактически во главе русской военно-морской разведки. К нему стекаются вся европейская морская литература и сведения об иностранных флотах; полученное он постоянно переводит и анализирует, собирая также информацию о состоянии флотов через посольства и своих агентов. Не забывал Конон Никитич и о практической работе. Так, он предложил принципиально новый способ крепления такелажа.

В январе 1725 года не стало Петра. Старые недруги не простили Зотову былых обид. Исподволь начали они очередную травлю. При первой же возможности Конон Никитич возвращается на действующий флот. В январе 1726 года он становится капитаном линейного корабля «Пантелеймон-Виктория» и весной выводит его в плавание по Финскому заливу. Снова над головой гудели полные ветра паруса, снова в лицо хлестали соленые брызги моря, лихо взбирались по вантам матросы, и волна неистово билась в кормовой подзор. Как будто и не было прожитых лет, как будто вновь он с Наумом Сенявиным мчался на перехват шведского флота!

Но радость капитана 1-го ранга была недолгой. Едва он покинул свой пост контролера, как воры, почувствовав отсутствие бдительного стража законности, резво взялись за дело. Когда же генерал-адмирал Федор Апраксин решил произвести ревизию, результаты оказались самые плачевные.

– Немедля возвернуть Зотова в прежнюю должность! – распорядился он. – Иначе крысы наши конторские, почитай, все растащат!

С грустью покидал палубу своего последнего корабля Конон.

– Ноет сердце мое, – говорил он друзьям, – что не ступать мне на корабли более уже никогда!

Снова погрузился он в нескончаемую бумажную войну, снова стал писать записки изобличающие. Снова пошли доносы и угрозы. Все вернулось на круги своя! Но Зотов не терял надежды встать в боевой строй. «Если уметь да не учить, – пишет он в одном из писем Апраксину, – то есть великая вина... а если не уметь, для чего умеющих ненавидеть и похваляться уморить при конторе и во флот не пускают!» Но генерал-адмирал упорствует.

– Каждому свое место предрасположено! – бранит он настырного контролера. – А я для того и поставлен, чтобы думать за всех!

Работая ночами, пишет Зотов новые книги. В 1728 году создает он «Регламент адмиралтейского нижнего суда» – свод законов повседневной деятельности Адмиралтейств-коллегии. В 1729 году Зотов уезжает на время в Москву, где занимается приведением в порядок центральных учреждений коллегии, одновременно составляя многие законоположения по их деятельности. По возвращении в Санкт-Петербург переводит с голландского «Светильник морской» – морскую лоцию от Ревеля до Англии и Белого моря, пишет первый в России учебник морской тактики – «Книгу о погоне за неприятелем».

Последние бои

А Россия уже переживала темное время царствования Анны Иоанновны. Шла беспрепятственная борьба за власть: армию прибрал к рукам фельдмаршал Миних, флот оставил за собой вице-канцлер Остерман. Что за беда, коль в делах морских Остерман был полнейший неуч и на палубу боевого корабля ни разу не ступал. Главное – имел за собой реальную силу, чтобы чувствовать себя уверенно в это время произвола и интриг.

Под крылом Остермана начало расти влияние наиболее реакционной части высшего флотского командования, составившей так называемую «английскую партию». «Англичане» требовали пересмотра основных положений Петра I по флоту, отмены Морского устава, созданного Зотовым, и принятия английского. Во главе новоявленных реформаторов стояли вице-адмирал Головин, адмиралы Сиверс и Гордон. Однако «англичане» в своих планах скорого переустройства петровского флота просчитались. В противодействие им стихийно возникла «русская партия» во главе с Соймоновым, Зотовым, Берингом. Неофициальное руководство партией взял на себя Наум Сенявин. «Русские» отстаивали самостоятельный путь развития отечественного флота, следование заветам Петра. Причем если «английскую партию» составляли в большинстве своем старые адмиралы, то «русскую» – прежде всего молодые капитаны кораблей и рядовые офицеры.

Несмотря на все старания и интриги Остермана, «русская партия» во главе с боевыми адмиралами и капитанами была чрезвычайно популярна на флоте. Особую же опасность для «англичан» представлял Зотов, знающий как свои пять пальцев всю тайную кухню Адмиралтейств-коллегии. Один из историков следующим образом описал значение Зотова: «Среди русских было, однако, одно лицо, имевшее... все данные, чтобы выступить в прениях могучим противником реформаторов, – лицо, давшее некогда повод Петру Великому провозглашать здравицы... за успехи его в науках... получившее почетную известность: как вполне образованного моряка, боевого офицера, соучастника Сенявина в первой морской победе русских, тщательного служаки, знатока морской тактики и организации иностранных флотов, сотрудника Петра по составлению Морского регламента и устава... смелого и речистого человека, не затруднявшегося входить со своими представлениями к Петру, иногда резко несогласными со взглядами государя. Среди “русской партии” был капитан Конон Никитич Зотов...»

Однако без поддержки сверху «русская партия» была обречена на поражение. Используя административную власть, «англичане» исподволь повели расправу со своими наиболее опасными врагами. Прежде и легче всего избавились от Витуса Беринга, которого срочным образом спровадили во Вторую Камчатскую экспедицию. В ней Беринг совершит много открытий, впервые донесет русский флаг до берегов Америки, но в Россию уже не вернется. Могилой ему станет скалистый остров (названный впоследствии его именем) в далеком, продуваемом северными ветрами проливе (тоже получившем позже его имя). После Беринга «англичане» взялись за контр-адмирала Соймонова. Вскоре бравый моряк был взят под арест как конфидент заговорщика князя Вяземского и судим. Контр-адмирала били плетью, ему рвали ноздри, а потом отправили по этапу в Сибирь. Одновременно началась травля Наума Сенявина, которого адмирал Сиверс буквально выживал с флота, придираясь к каждой мелочи. Заседания коллегии превратились для Сенявина в сущий ад. Не уступая ни в чем, он дрался как лев, но был один.

Протоколы заседаний доносят до нас драматизм происходившего: «...То он (Сенявин) принужден будет в коллегиях не ездить, понеже он вице-адмиралом служит 33 года и такой обиды не имел, а адмирал и вице-президент (Сиверс) объявил, что и он в России служит близ 26 лет, а дураком не бывал, и на то вице-адмирал Сенявин говорил, от кого он так признан?»

Затравив Сенявина, сгноив Соймонова и избавившись от Беринга, «англичане» принялись за Конона Зотова. Уверенные в полной безнаказанности, они теперь действовали нагло, не утруждая себя особыми ухищрениями. Обвинение, выдвинутое против него, было дико по своей нелепости. Зотова, долгие годы стоявшего на страже законности и охраны казенного добра, обвинили... в воровстве. Удар был настолько внезапен и ошеломляющ, что Конон Никитич пребывал в полнейшем отчаянии от свалившегося на его голову позора. В чем же могли обвинить его? Ведь всего лишь несколькими годами ранее он писал одному из своих друзей: «...Ни движимого, ни недвижимого у меня нет; нечего отнять и нет, как потеснить в усадьбах, ибо по государевой милости испомещен на морях!» Обвинение было до нелепости смешное: будто взял Зотов для себя без указа коллегии Адмиралтейской взаимно девять бочек извести. Заметьте – взял взаимно, т. е. в долг, чтобы потом вернуть.

«Дело Зотова» очень быстро стало известно самому широкому кругу морских офицеров, но реакция на него получилась обратная той, на которую рассчитывали обвинители: среди моряков поднялся ропот, люди не верили в нечестность первого «охотника» Российского флота. На кораблях в кают-компаниях открыто называли это дело сиверсовской стряпней.

Сам же Сиверс торжествовал: вот когда он рассчитался с дерзким контролером! Но Зотов не сдавался и наотрез отказывался признать себя виновным, требуя повторного расследования своего дела. Повторного расследования вице-президент Адмиралтейств-коллегии побоялся, и обвинение против Зотова пришлось снять. Но дело было сделано. Конон Никитич не мог долго работать в такой обстановке. Отныне единственным его утешением стали книги.

В 1741 году Зотову по настойчивым требованиям Сенявина дали должность генерал-экипажмейстера и чин контр-адмирала. Конон Никитич отнесся к повышению равнодушно: кроме мундира и оклада, для него ничего не изменилось.

Зотов работал как одержимый. Одна за другой выходят из-под его пера книги: «Новые сигналы», «Пополнение к знанию зеймана», новый учебник тактики «Об экзерцициях военного флота»...

Весной 1742 года Конон Никитич тяжело заболел и вынужден был уехать в Ораниенбаум. В октябре 1742 года его не стало. Погребли контр-адмирала на местном кладбище.

О личной жизни Конона Зотова нам известно весьма немного. О его супруге сведений практически нет. Известно, что он, якобы, имел дочь Анну (1735 года рождения). Известно, что после смерти Зотова его вдова была вовлечена в уголовный процесс по случаю подлога дитяти и пострижена. Из этого следует, что, вполне возможно, дочь Конона Анна была ему не родная. Для чего вдове Зотова понадобилось совершать подлог с ребенком, в точности не известно, скорее всего, за этим стояли меркантильные интересы – доля в наследстве или пенсия.

Жил в последние годы своей жизни Конон Зотов в Петербурге на Университетской набережной в доме № 3, построенном в 30-х годах XVIII века по типовому проекту «для именитых». Первым «именитым», жившим здесь, и был капитан Конон Зотов. Впоследствии же здание сменило многих хозяев. В частности, в 1832 году здесь поселился американский посол Джеймс Бьюкенен (будущий 15-й президент США). Он писал: «Я занял очень хороший дом на берегу Невы с прекрасным видом на эту величественную реку и корабли, входящие в этот изумительный город».

После смерти имя Конона Зотова было забыто почти на два века, пока, наконец, в 1915 году о нем не вспомнил тогдашний Морской министр адмирал Григорович и предложил императору Николаю Второму назвать именем первого охотника русского флота новейший эсминец-«новик». Чтобы разъяснить флотской общественности, кто такой Конон Зотов, в журнале «Морской сборник» была помещена большая статья. Однако грянула революция и

«Конон Зотов» был переименован, а о «первом охотнике русского флота» снова забыли на долгие-долгие годы.

Вспомним же мы, читатель, Конона Зотова, первого отечественного профессионального моряка, до последнего дыхания преданно и истово любившего флот и Россию. Право, он того стоит!

Последний корабль Петра

...За окнами Летнего дворца грохотал нескончаемый салют, гулко ухали пушки стоявших на Неве кораблях – Петербург праздновал заключение долгожданного мира со Швецией. Отныне Россия становилась полноправной морской державой.

Петр, радостный, хотя и немного усталый, поставил на стол пустой штоф, подозвал стоявших поодаль Меншикова и Апраксина.

– Вот он, венец долгих трудов наших, – сказал им, улыбаясь. – Мир Ништадтский. Море Балтийское отныне и навеки подвластно россиянам, флот наш в нем стал полновластным хозяином! Слава за то Всевышнему да народу, что все превозмог и вытерпел!

Петр помолчал, думая о чем-то своем. На лбу проступили две глубокие морщины. Улыбка сама собой сошла с лица.

– О чем задумался, Питер? – поинтересовался раздумавшийся от долгих танцев Меншиков.

– Видишь, Алексеич, посол английский в углу стоит невесел? Не по душе ему сила наша. Сегодня же отчет обо всем писать станет и хулу на нас лить. Боится Лондон нас, а паче всего флота, в огне рожденного! – Петр гневно сдвинул брови. – Зависть монархов держав европейских требует от нас дальнейшего усиления морского. Мыслью одно твердо, что надлежит теперь корабли 100-пушечные строить немедленно.

– Сие дело пока нам не под силу, – покачал головой генерал-адмирал Апраксин. – Англичане и те таковые строить опасаются. Крепость продольная, чрез которую корабли столь длинные на волне не ломаются, даже их мастерам не подвластна!

– Неверно сие! – оборвал его Петр. – Французы таковые строят, и у нас таковые будут! Чем угодно поступлюсь, но своего добьюсь – будет наш флот на всех морях и окиях первенствующ!

К началу 20-х годов XVIII века Балтийский флот России представлял собой уже достаточно грозную силу. В его составе насчитывалось около двадцати линейных кораблей, большое количество других парусных и гребных судов. Выросло целое поколение талантливых и самобытных корабельных умельцев, среди которых первыми по мастерству были сам Петр I и его ближайший помощник Федосий Склеяев. От своих корабелов царь требовал главного – наращивания мощи бортового залпа с каждым новым новостроем. За 54-пушечной «Полтавой» спустили на воду 64-пушечный «Ингерманланд». Корабль еще не вступил в боевой строй, а на рабочем столе «плотника Михайлова» уже лежал чертеж корабля с восьмьюдесятью пушками.

И все же основу русского флота составляли 66-пушечные корабли. Главным был корабль «Екатерина». Современники отмечали, «что подобного корабля нет ни в Англии, ниже в прочих государствах, ибо при постройке онаго употреблено всевозможное искусство относительно к прочности и красоте». Но Петра это мало устраивало. Вскоре на воду сошел первый русский трехдечный корабль, названный «Фридеманкер», имевший «добрые ходовые качества и легкость хода». Он имел около двух тысяч тонн водоизмещения и восемьсот человек команды.

А на адмиралтейской верфи Федосий Склеяев уже закладывал 90-пушечный корабль «Лесное»... Но царю не давали покоя 100-пушечные. Он буквально бредил ими. Мечты мечтами, а реальность убеждала в обратном. Чтобы разместить столько орудий, требовалось значительно увеличивать длину кораблей.

Необходимы были очень точные расчеты не только поперечной остойчивости, уже хорошо освоенной русскими мастерами, но и «продольной крепости корпусов». В этом-то и была загвоздка. Рассчитать продольную остойчивость было настолько сложно, что

даже англичане после нескольких тяжелых катастроф строили только широкие и короткие корабли. Во всем мире в то время лишь французским кораблям удалось до конца постичь тайну «продольной крепости». Но французы берегли свой приоритет как зеницу ока, щедро платя мастерам за сохранение тайны.

Однако Петр не отчаивался, прилагая поистине титанические усилия, чтобы «вызвать сей крепкий секрет бурбонский». Прибыв в 1717 году во Францию для организации нового политического союза, Петр нашел время встретиться с французскими мастерами, но, несмотря на великие посулы, разузнать ему ничего не удалось.

Поиском расчетов продольной прочности не один год занимался посланный царем во Францию его любимец Конон Зотов, но даже ему, известному знатоку морского дела, искусному разведчику и дипломату, выполнить эту деликатную и трудную задачу оказалось не под силу. Зато удалось другое. Предприимчивый Зотов разыскал отошедшего от дел старого французского мастера Мориса Пангалей, овладевшего столь нужным россиянам секретом. Пангалей продать секрет наотрез отказался, зато после долгих уговоров согласился построить в России по своим расчетам линейный корабль. Оплату для себя он запрашивал поистине фантастическую, но на это пошли сразу – выбрать не приходилось.

В начале 1711 года Морис Пангалей прибыл в Санкт-Петербург, где его встречал лично Петр. Царь предложил французу сразу же взяться за 100-пушечный корабль. Тот отказался, ссылаясь на старость и немощь. Сошлись на 66-пушечном. Пока старый мастер сидел над чертежами, Петр вызвал к себе корабельных подмастерьев Гаврилу Окунева да Ивана Рамбурга.

– Вот что, – сказал, сурово на отроков глядя. – Будете при мастере Пангалее в учениках состоять, и все касаемое продольной крепости у него вызнать, и манерам французского строения учиться со всею прилежностью!

– Ясно, государь! – отвечали подмастерья дружно. – Все сделаем как должно!

Со стариком-французом ученикам пришлось несладко. Полуглухой и страшно медлительный мастер имел массу всевозможных причуд, был сварлив и занудлив, но дело знал отменно. Строил Пангалей свой корабль до невозможности долго, целых десять лет. Только в 1721 году на волнах Финского залива закачался 66-пушечный «Пантелеймон-Виктория», сделанный «на французский манер».

За эти годы Окунев и Рамбург многое узнали и многому выучились (Гаврила Окунев стал настоящим любимцем Пангалей, которого он иначе как «мон гарсон» не называл). Далеко не сразу стал раскрывать Пангалей перед учениками свои секреты. Но от постройки 100-пушечного корабля старик упорно отказывался. В день, когда Петр I поднял на «Пантелеймоне-Виктории» свой флаг, умер старик Пангалей, так и не открыв до конца все секреты своего мастерства. Но и того, что стало известно Петру от старого мастера да из добытых Зотовым чертежей, вполне хватало, чтобы самостоятельно рассчитать недостающие размеры. Этим занимались сам Петр да Федосий Склаев.

– Главное, что касаемо продольной крепости, мы знаем твердо! – заявил император на консилиуме первейших корабелов. – Считаю, что можем начинать постройку первенца флота нашего о ста пушках! Как мыслите, господа мастера?

Первейшие – Федосий Склаев, Гаврила Меншиков да Иван Татищев – отвечали уверенно:

– Твоя правда, государь. Пора нам и на сего зверя топоры точить!

Довольный полным единодушием, Петр набил табаком обкусанную глиняную трубку, раскурил неторопливо.

– Чертежи же сему монстру буду рисовать сам! – сказал чуть погодя. – В помощь мне будет наш первый бас Федосий!

Работая ночами (днем решая дела государственные), Петр к концу 1723 года создал чертеж будущего 100-пушечного гиганта. Никогда еще он не работал с таким подъемом и вдохновением, вкладывая в чертежи не только все свои знания, но и душу... В корабельном наборе он предусмотрел дополнительные диагональные связи, которые и должны были обеспечить столь необходимую продольную остойчивость. Помогали Петру в этом подмастерья Филипп Пальчиков и Матиас Карлсбом. Несколько позднее команда «стопушечников» пополнились Гаврилой Окуневым, Иваном Гамбургом и Василием Юшковым. Работы хватало всем. Каждый чертеж, каждую деталь перерисовывали десятки раз. Петр требовал во всем полного совершенства.

– Не прыть заячья в деле сем надобна, а добротность изрядная! – выговаривал он, замечая малейшую неточность.

К маю 1723 года чертежи будущего первого 100-пушечного корабля России были готовы. Размеры его предполагались по тем временам весьма внушительные: длина 180 футов, ширина в средней части 51 фут, осадка более 20 футов.

Закладка корабля состоялась 29 июня 1723 года на верфи Санкт-Петербургского адмиралтейства лично Петром. Обставлено все было весьма торжественно. С постройкой корабля особо не торопились. Петр хотел использовать свой 100-пушечный первенец как своеобразную школу-лабораторию, чтобы на ней в совершенстве освоить способы обеспечения «продольной крепости» на «французский манер».

– Каково будет имя сего великана? – спросила императрица Екатерина в один из дней, когда Петр появился во дворец к обеду, разгоряченный работой на верфи.

– Был бы корабль, – засмеялся в ответ Петр, – а имя даст сама история наша!

Император не только участвовал в строительстве, но и самолично руководил им. Часто бывая на стапеле, беседовал со своими учениками, отдавал приказания, вникал в каждую мелочь. Когда же ему предстояло куда-то отлучиться либо государственные дела не давали ему возможности самому побывать на верфи, он оставлял письменные указания, поражающие своей скрупулезностью и дотошностью. Так, уезжая по делам из Санкт-Петербурга, он велит оставшемуся за него на стапеле подмастерью Карлсбому: «...Добрать ингоуты к носу, так же клюис-штоты и прочие в бухте, так же галф-гранцами в ахтерштевне до општотов, которые до меня не ставить; в то же время чистить корабль под доски, как снаружи, так и внутри...» (хотя современный читатель вряд ли разберется в нагромождении терминов, большая забота государя о своем детище очевидна).

Со временем за 100-пушечным кораблем как-то само собой утвердилось название «государев корабль». Этого не отрицал и сам Петр. Так, в «Реестре кораблям, находящимся на стапелях в строении в 1724 году» в графе, где указываются названия создаваемых кораблей, против 100-пушечного новостроя значится: «Собственный Ее Императорское Величество 100-пушечный корабль».

В последний раз Петр I появился на стапеле незадолго до своей кончины. Словно предчувствуя недоброе, собрав подле себя мастеров, сказал им:

– Что бы ни стряслось, каждый из вас, господа корабельщики, отвечает за строение сие, и не предо мною, а пред Отечеством нашим!

Уже покидая стапель, Петр в задумчивости обошел остов будущего корабля. Через неполный месяц по хрустящему январскому снегу рыдающие соратники провожали его в последний путь...

Со смертью Петра строительство корабля прекратилось. Одинокий, занесенный сугробами, остов сиротливо высился на берегу близ адмиралтейства. Лишь жалобно кричали в вышине голодные чайки. А тем временем вдалеке от верфи разворачивались бурные события, в центре которых был последний корабль Петра. Уже через несколько месяцев после погребения своего соратника и учителя собрались корабельные мастера посоветоваться: что

делать с «государевым кораблем» дальше? Решали долго. Наконец, слово попросил Федосий Склаев:

– Предлагаю строить сей корабль подмастерьям Пальчикову и Карлсбому. Ибо оба там при государе работали и помыслы его лучше других знают!

Но одновременно заседала и Адмиралтейств-коллегия. Вопрос был тот же: что делать со 100-пушечным кораблем? Кому его достраивать? Решение здесь было иное: поручить достройку сего корабля английским мастерам Ричарду Броуну и Наю. Там же было решено истребовать от хранителя всех царских чертежей Склаева листы с расчетами этого корабля для передачи англичанам. «Мастер добрых пропорций» ответил категорическим отказом. Это был вызов...

Коллегия еще раз потребовала от упрямы вернуть чертежи. Склаев был непоколебим.

– Да хоть ножами режьте! – заявил смело. – Ан все одно вам бумаг сих как ушей своих не видать!

И еще дальше чертежи запрятал.

Снова собралась на заседание коллегия. Снова там кипели страсти. На этот раз адмиралы были более осмотрительны. Новое решение в конце концов приняли такое: строить корабль «всем мастерам с общего согласия» под началом Броуна...

Теперь уже взбунтовались все российские корабли.

– Не бывать тому! – горячились. – Нам достроить сие судно государем завещано, мы это и исполним!

Во главе «мятежников» встал смелый и решительный Филипп Пальчиков. Он осмелился не только не исполнить указ Адмиралтейств-коллегии, но и издать свой собственный крамольный ордер, приведший многих в оцепенение: «...Корабельного мастера Броуна, чужестранных иноземцев, чернецов, попов и протчих гулящих людей на корабль не пускать». Вокруг новостроящегося 100-пушечника встали бдительные караулы, отгонявшие каждого, кто пытался пробраться на стапель. И хотя Броун и Най беспрестанно жаловались в коллегия, что им творится «немалая конфузия» и обида, адмиралы идти на обострение отношений с мятежными кораблями более особо не хотели. В конце концов в дело вмешалась Екатерина I. По ее решению достройка корабля была поручена всем русским корабельным мастерам во главе с Федосием Склаевым.

Работы возобновились. Мастера, строя днем свои корабли, вечером дружно спешили на «государев». Сам Склаев оставил свой почти законченный постройкой 54-пушечный «Выборг» разобиженному Броуну и полностью перешел на петровский 100-пушечник.

Двадцать девятого июня 1727 года, спустя ровно четыре года после закладки, первый русский 100-пушечный линейный корабль, названный в честь своего создателя и его (в то время царствовавшего) внука Петра II «Петр I и II», был торжественно, при большом стечении народа спущен на воду. В мае 1729 года под командой капитана Бранта корабль совершил свой первый переход из Санкт-Петербурга в Кронштадт. Проводку осуществляли две галеры под водительством капитан-лейтенанта Косенкова-Темкина. Затем еще в течение целого года на корабле велись всевозможные доделочные работы.

Весной 1729 года, когда сошел лед, на «Петре I и II» подняли трехцветный вымпел: корабль вступил в свою первую морскую кампанию. По специальному указанию Адмиралтейств-коллегии 100-пушечный флагман российского флота был укомплектован лучшими офицерами, команда же его насчитывала более восьмисот человек. В торжественной обстановке на корабле подняли флаг командующего Кронштадтской эскадрой адмирала Сиверса. События те навсегда запечатлены в скупых строках хроники русского флота: «...Того ради палили с оного корабля из 13 пушек, потом и со всех кораблей, стоящих на рейде, палили по стольку же пушек». Ветераны морских батальи Северной войны встречали нового боевого сотоварища! В ордере Адмиралтейств-коллегии на начало кампании 1729 года говорилось:

«...А новопостроенный корабль “Петр I и II”, “Петр II”, “Наталия” и “Шлюсбург” для опробования их на ходу отправить в кампанию на месяц, а морских служителей определить на “Петр I и II” 800».

В первых числах мая во главе эскадры 100-пушечный корабль вышел в Балтику. Через неделю спокойная погода сменилась штормовой. Капитан Брант волновался: как поведет себя «Петр» в свежий ветер, как будет слушаться руля? Но все волнения оказались напрасны – корабль показал себя с самой лучшей стороны. Замыслы и теоретические расчеты основателя русского флота оправдались полностью. Теперь стало окончательно ясно, что отечественные корабелы могут создавать трехпалубные 100-пушечные гиганты, а моряки – успешно осваивать их.

Первая кампания «Петра I и II» была непродолжительной: 9 июня корабль вернулся в Кронштадт. На нем спустили вымпел, сняли пушки, а команду ботами отправили в Санкт-Петербург. По первому плаванью был составлен отчет, в котором говорилось: «Корабль “Петр I и II” во всяком действии доволен, как в ходу, так и в крепости, и под парусами, и в поворачивании, и в строении онаго никакого погрешения, за что б такого мастера великого за его искусство и труды вечно прославить надлежит... Корабль “Петр I и II” строен по чертежу и трудами блаженной и высокославныя памяти государя императора Петра Великого и устроена во всякой, как в крепости, так и в ходу под парусами, исправности, и за то просит для незабвения высоких Его трудов о прославлении...»

В последующие годы «Петр I и II» неизменно являлся флагманским кораблем Балтийского флота. Все петровские адмиралы непременно поднимали свои флаги именно на нем, словно отдавая дань памяти его создателю.

Интересное описание оставил о поразившем его корабле «Петр I и II» служивший в Петербурге во второй половине 20-х годов XVIII века академик Георг Бюльфингер: «Над водою возвышается сооружение более чем трехэтажное: 52 фута. Большая часть его великолепно разукрашена золоченой резьбой. Вместо окошек – четырехугольные отверстия, из которых выглядывают тяжелые орудия... Внутри просторные, снабженные галереями каюты, из них одна, выложенная кедровым деревом, привозимым из Сибири, услаждает входящих весьма приятным запахом... Огромно и вместе с тем искусно должно быть сооружение, в котором живет от восьмисот человек и которое носит 100 и более штук тяжелых орудий...» Что ж, «Петр I и II» действительно поражал воображение современников и размерами, и боевой мощью, и отделкой.

Окончились двадцатые годы, начались тридцатые. Над Россией нависла тьма бироновщины. Флот, достигший к середине двадцатых почти полного совершенства, начал постепенно приходить в упадок. Все меньше и меньше денег отпускается на него, все хуже отношение к морякам. Прекращаются строительство новых кораблей, ремонт старых. Чтобы хоть как-то сохранить боевое ядро флота, члены Адмиралтейств-коллегии резко сократили плавание кораблей в море. Многие из них и вовсе были поставлены на прикол.

Не избежал общей участи и «Петр I и II» – на протяжении пяти лет он не выходил в море. Только в 1732 году корабль под флагом адмирала Гордона возглавил трехнедельное крейсерство Балтийского флота у Березовых островов. В 1734 году он принимает активное участие в боевых действиях против французского флота на Балтике. Во главе эскадры он участвует в бомбардировке крепости Вексельмюнде и пленении 30-пушечного французского фрегата «Бриллиант».

В 1735 году Петербург посетил литератор Иоганн Христиан Тремер. В том же году вышла в свет его поэма с пространством названием «Прощание германо-француза со всеми многочисленными диковинами, которые можно видеть в Петербурге». Ни поэма, ни сам Тремер особого следа в истории литературы не оставили. Однако, в ходе своей поездки по окрестностям Петербурга, Тремер посетил и Кронштадт. А потому в его поэме появились

следующие строчки, посвященные увиденному им «Петру I и II», величие которого потрясло воображение поэта:

...А также флот в Кронштадтской гавани видал.
Корабль огромный там стоит в ряду с другими,
«Петра Великого» не зря он носит имя...
В его каюте адмиральской стены
Обшиты деревом породы драгоценной.
И, наконец, над всем владычествуют там
Сто десять пушек, размещенных по бортам.
Теперь корабль еще огромней строят
И именем «Великой Анны» удостоят...

Относительно строительства «Великой Анны» осталось свидетельство того же Тремера: «Этот корабль («Великая Анна». – *В. III.*) будет значительно больше первого («Петр I и II». – *В. III.*) и его можно будет счесть за чудо». По словам приглашенного в Россию врача Джона Кука, он в 1736 году видел в адмиралтействе строящийся гигант «Императрица Анна», вооружение которого должно было составить 120 пушек.

Проектирование и закладку такого огромного и дорогостоящего линейного корабля, как «Императрица Анна», в период крайне запущенного состояния российского флота, нельзя объяснить ничем иным, как попыткой скрыть за разрекламированной постройкой «корабля императрицы» общее положение тогдашнего российского флота. Думается, за историей начала строительства никому не нужного тогда гигантского линейного корабля стояли амбиции Анны Иоанновны (переплюнуть самого Петра!) и курировавшего в то время флот канцлера Остермана.

«Императрицу Анну» строил в Санкт-Петербургском адмиралтействе корабельный мастер Броун. В 1737 году «Анна» была спущена на воду и вошла в состав Балтийского флота. Вооружение корабля составило 110 (по другим данным 114) орудий. Увы, качество изготовления «Анны» желало лучшего. Она буквально по всем параметрам значительно уступала «Петру I и II». Большую часть своей недолгой жизни «Императрица Анна» простояла в Кронштадтской гавани, где и была разобрана на дрова в 1752 году.

...Тем временем, в 1736 году «Петр I и II» снова выходит в море во главе Балтийского флота. За все это время корабль ни разу не ремонтировался. Добротно сделанный, он поражал современников своей крепостью. Но шло время, и с каждым годом «Петр I и II» все более ветшал, становился «к содержанию опасен». Наконец, летом 1741 года корабль освидетельствовали на предмет годности советник артиллерийской экспедиции Лиман и корабельный мастер Гаврила Окунев. Они-то первыми и забили тревогу.

– На плаву сможет держаться не более трех годов! – подвел итог увиденному Гаврила Окунев.

Горько было ему, когда-то строившему 100-пушечный первенец своими руками под началом Петра, видеть такое...

Дождливый октябрьским вечером того же года в портовой конторе Кронштадтского порта собрался консилиум. Присутствовали: адмирал граф Головин, вице-адмирал Мишуков, генерал-интендант Головин-младший и генерал-экипажмейстер Зотов. Члены консилиума решали, что делать дальше с «государевым кораблем». После бурных дебатов решено было перевести корабль из Кронштадта в Санкт-Петербург, а затем спешно строить для него сухой док.

– Для спасения венца творения Петрова денег жалеть не надобно! – горячились Мишуков с Зотовым. – Сей корабль надобно сохранить для потомков навечно в назидание о государе нашем! – поддержали их оба Головина.

В итоговой бумаге написали так: «...Имели рассуждение, что в проводке одного корабля в Санкт-Петербург для починки, а особливо в веках на камелях, за ветхостию его, великая опасность имеется, чтобы каким-либо приключившимся несчастьем от ветхости корабля в веках не потерять. И для того рассудили для спасения одного корабля... гелинг всегда надобен...».

Постройку эллинга поручили генерал-кригскомиссару Лопухину и советнику Пушкину. Им же было поручено «объявить чертеж со изъяснением, будет ли оный гелинг доволен к вытаскиванию помянутого корабля».

Дело вроде бы сдвинулось, и «Петр I и II» был переведен в Санкт-Петербург. Однако вскоре последовал еще один указ Адмиралтейств-коллегии. Перечеркивая решение кронштадтского консилиума, он объявлял, что строительство сухого дока передается английскому машинному мастеру Клевенсу. Русских мастеров отодвинули в сторону. Клевенс обещал за те же деньги построить два дока: сухой и плавучий. Адмиралы «предполагали ввести корабль в док при оном великом собрании знатных персон...». Клевенс и здесь обещал сроки куда более меньшие, чем Лопухин с Пушкиным. На то и польстились...

Сухой док решили строить для починки и хранения «Петра I и II» в нижнем конце «материального канала» у средней гавани. Адмиралы торопились, но Клевенс вдруг ни с того ни с сего объявил, что вначале он будет строить плавучий док за двенадцать тысяч рублей, а только затем приступит к сухому.

– Нам сухой гелинг нужен, чтоб с углублением в землю на пятнадцать футов и с плотинкой! А он нам судно плавучее сует! – возмущались морские офицеры.

Но к их голосам никто не прислушался. Корабельные, они всегда ведь чем-то недовольны. Вскоре последовал и указ сената: «Корабль строения собственных блаженных и вечных славы достойная памяти государя императора Петра Великого» находится в ветхости и до окончания строительства дока, т. е. до середины 1774 года, «за ветхостью без помощи содержаться не может, и для того надлежит построить плавучее судно, в котором оный корабль до постройки того дока содержать можно».

Члены коллегии запросили Клевенса:

– Сколько времени на постройку надобно?

– Два года! – отвечал мастер. – А денег пойдет на то тринадцать тысяч пятьсот восемьдесят пять рублей и тридцать одна копейка.

– Отпустить немедля! – распорядились адмиралы.

Отпустив англичанина, размечтались:

– А как док сей сухой готов будет, то «Петр I и II» в него введем и в безопасности полной содержать станем потомкам в память о великом государе нашем. И чтобы на века!

Пока флагманы российские мечтаниям предавались, английский мастер Клевенс все передумал. Теперь он уже не хотел строить плавучий док, а желал только сухой. Из денег же, ему на оба дока выделенных, обратно в казну ничего не вернул. А время шло, и «государев корабль» продолжал гнить на плаву. Вновь подняли шум русские корабелы, вновь пригрозили коллегии. Только после этого поручено было мастеру Дмитрию Щербачеву плавучий док строить, поспешая насколько возможно. Мастер слово, данное сотоварищам-корабелам, сдержал, и к осени 1742 года плавдок был готов. Пятого октября в него ввели «Петр I и II». Специальным по этому поводу указом всем было объявлено, что «в том построенном плавучем судне корабль “Петр I и II” починкою исправить можно».

Шли годы. Наступил уже и 1746-й, а сухой док, обещанный Клевенсом, еще толком и не начинали строить. Англичанин, получив деньги, не торопился. «Петр I и II» стоял в плавдоке

и все более и более ветшал. Денег на флот по-прежнему почти не давали, и моряки перебивались кто как мог. О строительстве новых кораблей не было и речи, мечтали хоть какую-то часть старых сохранить. Президент Адмиралтейств-коллегии адмирал Головин только тем и занимался, что копейки флотские пересчитывал да с одной дыры бюджетной на другую их перебрасывал. Зато бумагами всевозможными был флот российский завален до невозможности. Не было у моряков самого малого дела, на которое не сыскались бы многие пуды грозных гербовых бумаг.

– На бумажки денежки наши кровные и уходят! – ругался старик Головин, костяшками счетов щелкая. – Сжечь бы все да начать без оных править.

Сказано – сделано. Собрал адмирал все бумаги да подпалил. С чиновниками приступы сердечные, зато на кораблях на радостях гуляли отчаянно. Но опомнились писцы и застроили вновь. Уже новые указы да ордера готовы, да столько, что в одном мешке и не унесешь!

Двенадцатого мая 1746 года собралась коллегия, чтобы финансы свои в очередной раз подсчитать да выслушать экстракт о содержании верфей корабельных. Под конец вспомнили и о «корабле государевом». Возмущались, что не готов до сих пор сухой док.

– Зря кричите, – охладил пыл флагманов всезнающий адмирал Мишуков, – государев корабль в тот гелинг уже не втащить!

– Это почему же? – разобиделись на всезнайку флагмана и кавалеры: Дмитриев-Мамонов, Дюффус, Лопухин, Вильбоа, Мещерский и другие.

– А потому, что по причине великой ветхости он при сем действе рассыплется!

– Что же делать нам? – вскричал, схватившись за голову, Вильбоа, бывший любимец Петра, а ныне седой боевой адмирал.

– Думается мне, следует его в том плавучем судне и далее оставить, чтобы, не торопясь, исправить и навечно там сохранить! – поделился своими соображениями Мишуков.

– Где же денег на все это набраться! – охнул кто-то из флагманов в углу сдавленно.

– А может, легче нам будет разобрать его на дрова, а по лекалам имеемым сделать новый! – возразили ему из другого угла.

– Да ты что, на это столь много денег уйдет, что всем флотом российским по миру пойдем! – закричали уже хором.

Спорили долго, до хрипоты. В конце концов подписали итоговую бумагу, в которой значилось, «что нежели оный эллинг великим коштом... только для оного корабля строить, на который и по постройке для содержания не малое иждивение потребно будет!»

Для окончательного осмотра была назначена еще одна комиссия под председательством капитана кронштадтского порта контр-адмирала Калмыкова. Тщательно обследовав «Петр I и II», комиссия пришла к удручающему выводу, что годных по свидетельству лесов меньше 3-й части нашлось».

– Легше новое строить, нежели старое латать! – заключил Калмыков. – Ежели же оный корабль прямо в плавучем судне перетембировать, то менее чем за три года не управиться!

Выслушав кронштадтского капитана, адмиралы схватились за головы. Обещанного англичанами дока все еще не было. И если на три года отдать единственный на флоте плавдок под «Петр I и II», то как же чинить остальные, не менее изношенные?

– Ведь они могли бы исправиться в помянутом доке, ибо весь флот наш с таким трудом килуется, а в плавучем судне все повреждения и негодности удобнее усмотреть и исправить! – делились флагманы своими сомнениями друг с другом.

Снова (в который уже раз!) была составлена бумага. В бумаге той говорилось: «... Отчего великий ущерб причиниться может в интересе Ея И. В.; от упадка таких кораблей флот приходить будет не в состояние, ибо так скоро комплектовать строением вновь невозможно...»

Адмиралы мялись, но более откровенно сказать не смели, уж больно все это выглядело предательством по отношению к петровскому творению. Все заключения свои и мнения в письменном виде передали на рассмотрение императрице Елизавете Петровне. Ей, «дщери великого Петра», и решать, как быть с отцовым кораблем. Высочайшего указа ждали с болью в сердце. Боялись и отказа, ибо тогда пришлось бы ломать множество других кораблей. Боялись и утверждения бумаг своих, ибо тогда пришлось бы самим ломать творение Петра. Ответа не было долго. Но настал день, когда указ императрицы лег на красный бархат стола президента коллегии. Дрожащей рукой адмирал Михаил Голицын сорвал сургучные печати и, отставив бумагу подальше, принялся читать. То было соображение сената о судьбе «Петра I и II»: «...Для неугасаемой о таких высочайшего монарха трудах вечной славы принести в рассуждение, не соизволено ли будет по точной того к пропорции и со всеми теми орнаментами, каковы были, сделать 2 модели и содержать из них в дешианс-академии, а другую при адмиралтействе в модель-каморе, а остаточный из того корабля годный лес употребить к починке других кораблей; а плавающее употреблять для исправления починками прочих кораблей, которые требуют таких починков, как в доках исправлять надлежит, ибо на воде исправлять их уже за ветхостию невозможно». Поверх сенатского предложения рукой императрицы Елизаветы было начертано: «Соизволяю». Отложив бумагу в сторону, старик Голицын заплакал...

Разборка «Петра I и II» была полностью завершена лишь к 1756 году. Но опыт первого освоения «продольной крепости» не прошел даром. Участвовавшие в строительстве «Петра I и II» подмастерья Гавриил Афанасьевич Окунев и Иван Иванович Рамбург, став мастерами, уже смело строили многопушечные корабли. В 1752 году Окунев спустил на воду 80-пушечный корабль «Святой Николай» Рамбург, такой же «Кир-Иоанн». Мастера не останавливались на достигнутом. И вскоре Гавриил Окунев построил 100-пушечный красавец «Дмитрий Ростовский», доказав всему миру, что русские корабли могут строить корабли в сто и более пушек.

Такова история создания первого 100-пушечного корабля России. История драматичная и поучительная. И кто знает, если бы в те далекие от нас годы все же была изыскана возможность сохранения последнего петровского корабля, может, и сегодня потомки с восхищением взирали бы на этот венец трудов мастеров русских, гордясь искусством своих пращуров.

Всенижайший патриот...

Года 1740 от рождения Христова, накануне полтавской годовщины, в Петербурге у Сытного рынка плотники ладили эшафот.

Зевак не было: эка невидаль – смертоубийство. Разве этим на Руси кого удивишь! Однако вскоре по столице поползли слухи, что рубить головы на Сытном будут не каким-то там разбойным людишкам, а особам именитым. Злодеев было семеро. Главному из них велено было императрицей Анной резать язык и садить на кол, остальным сечь голову и четвертовать. Приговор оглашали на площадях. Народ крестился.

– Никак, недоброе замышляли! Говорят, среди лихоимцев и моряк есть! Из любимцев покойного государя Петра Алексеича! О Господи, время-то лихое!

И расходились. Болтать в ту пору остерегались все, ибо время и вправду было лихое – бироновское...

Питомец навигацкой школы

В первопрестольной открывали первую навигацкую школу; открывали шумно – с пушечной пальбой и взрывами петард. Со всей России свозили в ту школу недорослей дворянских, тащили силком, ибо те от ученья морского в бега кидались. Среди привезенных был и Федя Соймонов – сын помершего стольника Ивана.

Учили в навигацкой школе с тщанием. За дурь и нерадивость лупили нещадно. Арифметик – известный Леонтий Магницкий отхаживал при случае нерадивых от всей души линейкой грушевой. А уж сам господин директор Форвартсон и за уши драл, и в темную сажал на хлеб и воду.

Когда цифирь, астрономию да сферу закончили, принялись журналы шканечные писать да учиться курс судов прокладывать. Когда же и этому выучились, то приехал царь Петр. Сдвинувши брови и глядя грозно, начал царь чинить опрос. За хороший ответ в губы целовал, за плохой – палкой лупил. Кто умен, того налево от себя ставил, в Голландию ехать, кто дурак, но здоров, того направо – в преображенцы, ну а кто и хил, и без ума – того Петр ставил позади. Этих предстояло отправлять в Ревель, учить языку немецкому. Проведя опрос, Петр оставил подле себя тех, кому предстоял путь в неблизкую Голландию.

– Отныне вы не школяры, а господа навигаторы! – объявил он им.

По весне получил Федя Соймонов с товарищами по сотне рублей на прокорм да заграничный паспорт, скрепленный гербовой печатью. Прибыли они в город Архангельский, погрузились там на судно купеческое, и поплыли в Голландию, землю им неведомую.

Страна каналов, мельниц и тюльпанов прибывших ошеломила. Вдоль берега – города богатые, верфи да порты, по каналам лодки снуют, а в море суда бесчисленные на волнах качаются. Одно слово: сказка!

На амстердамской верфи, куда прибыли российские волонтеры, каждому навигатору выдали по робе парусиновой да топору острому. И за работу! Рядом с Соймоновым его приятель – Васька Головнин. Когда дело плотницкое освоили, пошли стропы вязать. К тому времени и деньги вышли. В России по причине войны со шведами о них, поди, и совсем забыли. Как жить далее – каждый решал сам. Одни с кружкой на паперти сели, иные взялись за кистени. Федор с Василием решили на моря подаваться. Нанялись матросами за еду и платье. Судно – развалюха, команда – сброд, а шкипер – законченный пьяница. Побывали и в Лиссабоне, и на реке Темзе. Шкипер, трезвости их дивясь, скоро им и штурвал доверил, и лоты метать позволил. На судах жизнь тоже не малина, а потому пили сыны дворянские воду тухлую да жарили рыбку, какую удавалось словить. Но разве это беда, когда над головами навигаторов гудели ветром наполненные паруса, а впереди манил неведомый горизонт!

В штормах и походах пролетели два лихих года. Вчерашние школяры-навигаторы стали теперь просоленными матросами, которым сам черт не брат. А когда в очередной раз их битый шквалами бриг завернул в Амстердам, там бравых мореходов уже ждал указ о возвращении на родину.

1715 год Федор Соймонов встречал уже дома. Едва вернулся, пришлось заниматься делами наследными: помер его дядюшка Семен Кондратьевич. Пока Соймонов с хозяйством разбирался, подошло время баллотироваться на чин мичманский. Председательствовать же на комиссию, к всеобщему ужасу, пришел сам царь. Спрашивал Петр как всегда строго, и из сорока восьми кандидатов на чин сдали лишь семнадцать. Первым из них по ответам был Федор. Уж какие ему вопросы каверзные царь ни задавал, а на все ответы получил.

– Хорош, ой хорош мичман будет! – улыбался Петр. – А плавать тебе отныне на «Ингерманланде» – флагмане моем!

Друзья после экзаменации руку Соймонову пожимая, и не знали, как быть: то ли поздравлять его, то ли жалеть.

Головнин, друг сердешный, лишь головой качал:

– Ой, Федька, тут уж не зевай! Враз тебя царь в солдаты сдаст!

– Ничего! – храбрился новоиспеченный мичман. – Сдюжим!

Ингерманландский капитан Гослер был молчалив и хмур, щуря глаза, беспрерывно пыхтел трубкой.

– Ви ест официрен маленький! – сказал он Соймонову при встрече. – А я любит большой арбайтен!

На том наставление и закончилось.

Три кампании отплавал на «Ингерманланде» Федор Соймонов. Многому научил его старый голландец. Ах, как неся в облаках парусов их красавец корабль, и не было ему равных в ходкости среди всего российского флота, как дерзко кренил капитан Гослер корабль на разворотах!

Юному мичману пришлось показать себя в делах ратных. В кампанию семнадцатого года с лейтенантом Янсенем на двух ботах с гренадерским десантом высаживались на остров Гогланд. Вначале, постреляв, отогнали шведов от берега, потом пожгли армейские магазины, вывели из строя захваченные пушки и вернулись обратно.

Последнюю кампанию на «Ингерманланде» Соймонов проделал уже под началом нового капитана ван Вердена. Зимой 1719 года, когда вмерзший в кронштадтский лед корабль стоял в порту, ван Вердена и Федора вызвал к себе царь. Петр был чем-то озабочен, а потому разговор его был краток:

– Следовать вам обоим в Астрахань и описывать западные берега каспийские!

Откуда ж было знать мичману Соймонову, что, видя скорый исход войны со шведами, Петр уже приступал к подготовке будущего похода вдоль Каспийского моря, на Гилян.

Волны каспийского моря

Наскоро собравшись, моряки выехали в край неблизкий. И снова повезло Соймонову с наставником. Ван Верден был происхождением голландец, служил поначалу шведам. Взятый в плен в одном из боев, он перешел на службу к Петру. Капитан опытный, Верден обо всем имел собственное суждение, которое не боялся говорить в глаза. Начальство за то капитана не любило, но команда уважала.

В Астрахани прибывшие времени тоже не теряли. Дорог был каждый день. И уже в самом начале мая Федор вывел из устья Терека шняву «Екатерина». Доверием оказанным мичман был обрадован несказанно: ведь впервые он самостоятельно ведет судно в плавание по неведомому морю. Гидрографическая съемка берегов – дело монотонное, кропотливое и, что самое главное, небезопасное. Места вокруг – дикие, а персы настроены воинственно. Бывало, и с берега палили, а при высадках на берег и конницей нападали. Но ничего, как-то все обходилось: то ли провидение помогало, то ли осторожность соймоновская. Так в походах, боях и трудах навигаторских пролетело еще два года. Наконец, моряки изыскания свои завершили, составили карту генеральную и в Санкт-Петербург отослали.

Работу Вердена с Соймоновым Петр оценил высоко, а карту каспийскую, хвалясь, послал в академию Парижскую: полюбуйтесь, мол, что за мастера у меня есть.

– Ну а тебе, Федя, почет от меня особый! – похлопал царь по плечу прибывшего в Петербург Соймонова. – Назначаю тебя капитаном!

Кампанию следующего года проделал капитан Соймонов на корабле «Святой Андрей» в плаваниях у Красной Горки. Своим возвышением Федор был несказанно горд и потому старался изо всех сил, чтоб не быть хуже иных, более опытных. А закончилось плавание – и опять высочайший указ: следовать снова на Каспий. Завершив дела шведские, Петр I все-речь принимался за персидские. На юг шли теперь флот и армия: гремели барабаны, устало рысила по степи конница.

– Гилянъ идем у шаха персидского отбирать! – объясняли солдаты выходящим на дорогу обывателям.

Во главе армии сам император, при нем генерал адмирал Апраксин, астраханский генерал-губернатор князь Артемий Волынский. Петр с Волынским шли по Волге передовым ботом, Соймонов с Апраксиным следом за ними на судне «Принцесса Анна».

На одной из дней Волынский о капитане «Анны» отозвался с похвалой:

– Знающ, храбрец и пить умеет!

Император лишь усмехнулся в ответ, но к себе после того еще более приблизил. А тут Соймонов в очередной раз отличился – отыскал на побережье бухту, для мелких судов удобную. Да ему ли, знатоку Каспия, не сыскать!

Осматривать бухту отправился на шлюпке сам Петр, с ним и Федор. Бухтой император остался доволен вполне. А на обратном пути между Петром и его капитаном произошел знаменательный разговор, который Соймонов много лет спустя воспроизведет в своих воспоминаниях.

Началось с того, что, пользуясь хорошим расположением духа государя, Соймонов завел разговор о славных мореходах Христофоре Колумбусе и Америкусе Веспуччи, о землях заморских, о берегах камчатских. Говорил, что земли те знатные и нам туда бы надо. Петр вначале отмалчивался, на весла налегая, а потом оборвал Федора:

– То все знаю, да не ноне нам туда надобно, а позже!

Затем повернулся к притихшему Соймонову.

– В заливе Астрабадском бывал?

– Бывал! – с натугой отвечал Федор, веслом загребая.

– А знаешь ли, что от Астрабада до Балха – городка бухарского и Водохшана всего двенадцать ден ходу верблюдами?

Соймонов лишь неопределенно кивнул.

– А Бухара – середина всех восточных коммерций! – продолжал свою мысль самодержец. – Там же и до Индии рукой подать. Кто нам помешать сможет? После уж и Камчаткой и Америкой займемся!

Петр торопился успеть всюду, словно предчувствуя, что жизни осталось уже немного.

В начале августа русская армия выступила на Дербент. Соймонов вел караван судов с припасами к острову Чечень, где ждал его на якорях старший флагман ван Верден. Каспий штормил, суда то и дело выбрасывало на многочисленные отмели. Но моряки свое дело сделали: ядра, порох и припасы были доставлены вовремя, и вскоре Дербент пал. Наградой Соймонову за Низовой поход стал капитанский чин.

Не успела команда отдохнуть, как пришел новый приказ – идти Соймонову вдоль берега моря к Куре-реке и вымерить в ней все протоки. Петр готовился к продолжению завоевания Гиляни. На очереди был Баку!

Шестого ноября 1722 года Петр лично благословил Федора, на прощание целовал троекратно. В тот же день Соймонов вышел в море, следом за ним еще восемь судов с солдатами. Весной следующего года Федор вернулся в Астрахань и устало раскатал перед Артемием Волынским подробнейшую карту устьев Куры.

– Можно ли плавать в сих местах? – деловито поинтересовался князь, в делах морских уже поднаторевший.

– Плавать можно вполне безопасно, гавани, однако, удобной сыскать нельзя!

Летом следующего года русские полки снова выступили в поход под началом генерала Матюшкина. Соймонов вновь повел суда вдоль берега.

– Давай, Федька! – кричал ему с берега Матюшкин. – Не огорчи государя!

Двадцатого июня армия и флотилия выступили из Астрахани, а 26 июля Баку пал. И здесь Соймонов остался верен себе. Пока друзья его праздновали победу, он осматривал и описывал окрестности. Своей привычки капитан-лейтенант даже стеснялся, пряча свои записные книжки подальше от любопытных глаз.

В этот раз любознательного моряка ждала удача. Соймонов обнаружил огромную каменную стену, уходящую далеко в воду. «...И хотя она уже развалилась, однако в некоторых местах и выше воды знаки есть. А по известиям слышно, якобы в древние времена то строение было на сухом пути, и был то гостиный двор...» Вывод Соймонова был следующий: Каспий наступает на берег. Здесь же капитан-лейтенант произвел расчеты и определил скорость наступления воды. Вот так, порой невзначай, делаются открытия!

В самом конце года Федор был вновь направлен в столицу. Ехал санями с генералом Матюшкиным. В дороге генерал пил крепко, а, напившись, храпел, к плечу соймоновскому привалясь. Федор же, продышав в слюдяном оконце глазок, читал книжку по наукам картографическим. Император планом реки Куры и действиями Федора под Баку остался доволен. Затем на Москве гулянье знатное было – коронация государевой жены Екатерины. Погуляли, поплясали и снова в обратный путь. Теперь Соймонову предстояло подыскивать место для новой крепости на Гиляни.

Весной следующего, 1725 года войска и флотилия снова было изготовились для нового похода, но пришла весть, всех как громом поразившая, – не стало императора Петра. Ах, как плакал Федор Соймонов, в доме своем запершись. Слезы утирал, приговаривая:

– Не стало благодетеля моего Петра Алексеича, и как жить дале, не ведаю!

Кто мог знать тогда, сколь трагично и непредсказуемо сложится судьба младшего птенца гнезда Петрова.

И снова Соймонов был отправлен на Каспийское море. На этот раз – описывать восточный берег Каспия, край пустынный и неизведанный. В экспедицию определили три судна, среди них латаный-перелатаный гекабот: в пазах его даже у причала хлюпала вода, а борта при малой волне ходили ходуном.

– Я иду на сем самотопе! – объявил своим матросам капитан-лейтенант. – Кто в Бога верует ин меня, те за мной!

И сегодня старые моряки говорят, что кто не плавал на Каспии, тот настоящих штормов не видал. Разогнавшись над бескрайними азиатскими пустынями, ветры в бешенстве врываются в водные хляби, и тогда там творится что-то невообразимое. В такой-то вот шторм у Кулалинских островов и попал ветхий гекабот. Как спаслись от смерти неминучей – одному Богу известно. В трюме вода била фонтаном. Помпы не помогали, и матросы обессилели в тщетной надежде уменьшить течь. Треща под ударами волн, судно разваливалось на глазах. Соймонов лихорадочно искал убежища. В тот момент, когда, казалось, все уже потеряно, невдалеке открылась небольшая, защищенная от ветра бухта. Кое-как добрались до нее, отстоялись ночь и снова в путь.

От залива Красноводского, мимо островов Огурчинских шел Соймонов на Астрабад. Не забывая главного дела – гидрографического, он и воевал не без успеха, захватив десятка полтора персидских мелких судов. Людей отпускали, а суда топили. И снова Соймонов сотоварищи был на волосок от смерти. В один из сентябрьских штормов у Свиных островов гекабот залило водой. До Баку дотащились на добром слове. Там развалившееся судно пустили на дрова, а его капитан, перебравшись на подошедший из Астрахани галиот, продолжил опись берега. Когда осунувшийся и изможденный Соймонов вернулся в Астрахань и выложил перед Сенявиным ворох журналов и карт, тот обнял отчаянного морехода:

– Поздравляю с капитаном третьего ранга, что присвоено государыней Екатериной! И следовать тебе в Петербург!

Но, как это часто бывает в жизни, уехать сразу не удалось. Еще с полгода отплавал по каспийским водам Федор Соймонов, прежде чем его отпустили.

На служебных перепутьях

Москва встретила Федора колокольным перезвоном. Время вынужденного безделья в Астрахани тянулось тягостно и уныло. Наконец прибыл назначенный командир порта контр-адмирал Иван Сенявин. Федор сразу к нему: так, мол, и так, отпусти на Балтику, устал здесь, мочи нет!

– Нет уж, – покачал головой Сенявин. – Ты мне тут первый помощник!

Тогда же велел он Соймонову снова собираться.

Была пасха, праздновали ее весело. На застолье у стольника Отяева приглядел Федор его дочку Дарью, румяную и глазастую девушку с огромной русой косой, да и та вниманием бравого моряка не обходила. То так посматривала, то этак, да и было от чего: Соймонов за столом главный рассказчик. Остальные сидят, только рты от удивления открывают! Через несколько дней капитан и сватов заслал. Отец сразу к дочке: согласна ль? Та лишь глаза опустила. Свадьбу гуляли с размахом.

– Эх, прошевай, жисть холостяцкая! – бил на третий день об пол фужер молодой муж. – Нонче все по-иному станет!

Но закончилась свадьба, и загрустил Федор, уж больно не хотелось ему от молодой жены уезжать в промозглый Петербург. «Искал я случая, чтоб на некоторое время быть в Москве, во признании для того случая, что женился, а другое и то, что с женою жить в Петербурге был в деньгах недостаток, оставя жену, одному ехать не хотелось, а чтобы оставить морскую корабельную службу, по совести... на мысль мою не приходило...»

Но вот и Петербург. Серое низкое небо, моросящий дождь. Посетив стародавних друзей, Соймонов сразу же садится составлять отчет о своих каспийских делах. Наконец карты и лоции составлены, переписаны набело и сданы в коллегию.

– Куда теперь? – поинтересовался капитан у адмирала Крюйса.

– Куда скажут, жди! – отмахнулся тот.

– А коль позабудете? – настаивал Федор, памятуя о тех, которые годами нищенствовали в ожидании вакансий.

– Как позабудем, так и вспомним, а не вспомним – знать, не нужен! – философски закончил разговор президент Адмиралтейств-коллегии.

В ожидании прошло лето, затем осень и зима. Соймонов, экономя на всем, пообносился и осунулся. Безденежье и ненужность угнетали. Наконец о нем вспомнили, но вызвали не в коллегию, а к генерал-прокурору Ягужинскому. Тут уж Федор не знал, что и подумать. Генерал Ягужинский мужик крутой, может, в делах каспийских недостатку какую выискал или кто донос какой написал.

Но грозный Ягужинский встретил моряка ласково.

– Садись! – указал на стул.

Федор на стул сел, но глядел настороженно. Ягужинский, наоборот, из-за стола своего дубового встав, объявил торжественно:

– Посоветуясь с членами высокой коллегии, решили мы назначить тебя флотским прокурором!

Соймонов, услыша слова такие, чуть со стула своего не свалился.

– Но я ж корабельный офицер и дел бумажных знать не знаю! – пытался отговориться робко.

Ягужинский, худой и желчный, лишь ухмыльнулся:

– Сие есть глупая отговорка, потому как дела чиновничьи не столь премудры, как навигацкие. Освоишься!

Вскоре сенатский обер-секретарь Курилов объявил об указе сената.

Почему же выбор на столь высокую и ответственную должность пал именно на Соймонова? Ведь желающих, думается, было немало. Что в любимцах у царя Петра был? Но не он один. Что умен? Но и толковых тоже вокруг было немало. Думается, причина была в полнейшей честности Соймонова и его всегдашней щепетильности по отношению к казенному имуществу.

Итак, назначение состоялось. На новоиспеченного прокурора сразу же обрушился вал бумаг: доносы, жалобы, кляузы... Все это надо было внимательно рассмотреть, проверить, напраслину отбросить, а серьезным бумагам дать ход и произвести розыск.

По первому снегу 1730 года привез Федор в столицу жену Дарью с полугодовальным первенцем. Дом сняли на Васильевском острове. В гостиной зале Соймонов самолично приколотил к стене портрет Петра, в кабинет поставил складной сосновый стол и токарный станок, за которым любил поработать, когда свободная минута выпадала.

Сразу после Рождества надел Федор Иванович шубу, прицепил шпагу и пошел в заседание. Члены Адмиралтейств-коллегии Гордон, Наум Сенявин, Вильбоа, Кошелев поздравляли с назначением, жали руки.

Подчистив мелочи, энергичный прокурор вскоре перешел к делам более серьезным. самого вице-президента Адмиралтейств-коллегии Сиверса он обвинил во взятке. Дерзость была неслыханная! В заседании он обличал:

– Уголь ньюкастельский, каковой вы у купцов английских купили, заведомо был плох. От того казна убыток большой получила!

В доказательство Соймонов положил на стол изобличающие документы. «Адмирал в великую запальчивость пришел, вскочил со стула и, взяв шляпу, вон вышел...» – вспоминал много лет спустя Соймонов.

Это было первое, но, увы, не последнее столкновение. Затем прокурором был обличен за растраты граф Головин и адмирал Гослер за воровство. Воры были изощренны и наглы, Соймонов упрям и настойчив. Далеко не всегда, но правда все же торжествовала. Взяточник Сиверс был отстранен от должности, а Гослер и вовсе изгнан со службы.

В забытой ныне Войне за польское наследство Россия тоже участвовала. Соймонов, несмотря на свое прокурорское место, сразу же отпросился в море. Под начало ему был даден 66-пушечный фрегат «Святая Наталья». Во главе эскадры – адмирал Гордон, младшим флагманом – друг и соплаватель Наум Сенявин. На горизонте белели парусами французы. Сенявин с Соймоновым рвались в бой, но осторожный Гордон отмалчивался.

Вечерами, куря трубки на кормовом балконе, друзья возмущались:

– Диспозиция глупа! Гордон в лучшем случае трус, в худшем предатель!

Тогда же Соймонов написал обличительную бумагу: прокурор требовал начала следствия над адмиралом. Через несколько недель Гордон получил из столицы тайное письмо, в котором ему сообщали о рапорте Соймонова. Прочитал, посмеялся и порвал.

– Эх, Федя, Федя! – укорял Соймонова Сенявин, прознавший о письме к Гордону. – Куда ты все на рожон лезешь! Врагов, что ли, мало? Тебе ли не знать, что у Гордона везде свои осведомители и покровители!

– Да знаю все, – отмахивался Федор Иванович. – Но сколько молчать можно?

В следующую турецкую войну царствовавшая тогда императрица Анна Иоанновна ни с того ни с сего отправила Соймонова в калмыцкие степи. Трясаясь по продуваемой ветрами степи, искал флотский прокурор кибитки хана Дундука. Потом, найдя, пил с ним кумыс и скакал на необъезженном жеребце, показывая удаль молодецкую.

– Якши, якши, морской человек, – качал головой Дундук Омба. – Проси чего хочешь!

Соймонову надо было немного, и спустя месяц десять тысяч калмыков, погоняя своих мохнатых лошадок, устремились в татарские пределы. Докладывая в Петербурге о выполненном поручении, передал Соймонов Анне Иоанновне и карту реки Кубань, которую между

делом составил. Императрица, карту в руках покрутив, начала было разворачивать, да тут задрались меж собой шут с карлицей, да больно весело, какая уж тут карта!

Конфидент князя Волынского

После поездки калмычкой стал зазывать Соймонова к себе кабинет-министр императрицы Артемий Волынский, бывший губернатор астраханский. У Соймонова с Волынским отношения были давние и непростые. Многие их сближало: Каспий, Низовой поход, Петр Великий. Впрочем, случались и размолвки. Так, еще будучи губернатором, Волынский за какую-то мелкую провинность сильно отлупил соймоновского мичмана Мещерского, а затем посадил его нагим на лед, отчего тот долго болел. Соймонов за то самоуправство на Волынского не только ругался, но и царю Петру бумагу писал. Но все это было уже в далеком прошлом. Нынче же беззакония фаворита императрицы Анны Бирона, произвол властей и обнищание страны вызывали тревогу у обоих. На встречах с Волынским Соймонов больше слушал, Волынский говорил.

– Близится время, когда надо будет действовать решительно и смело! – говорил кабинет-министр. – Нам будут нужны надежные конфиденты на постах важнейших, чтоб всю эту немчуру враз скинуть!

Вскоре не без участия Волынского Соймонова возвысили до обер-прокурора сената с генерал-майорским рангом. Кабинет-министр вел рискованную многоходовую игру. Цель была священна – Россия, но и цена немалая – собственная жизнь.

Состоя в сенате, Соймонов не забывал и о флоте, подкладывая при каждом удобном случае императрице на подпись адмиралтейские бумаги о тамошних злоупотреблениях. Более всего доставалось от обер-прокурора новому президенту коллегии Головину, за что тот ненавидел Соймонова люто. Шефствовавшему над флотом вице-канцлеру Остерману он жаловался на соймоновские происки:

– Житья, Андрей Иванович, от сего пса цепного нет, за копейку горло перегрызет!

– Найдем управу, найдем! – утешал соратника хитрый Остерман. – Что-нибудь придумаем. Не святой же, где-нибудь да попадется! С кем он, к примеру, дружбу водит?

– С Волынским, министром кабинетным, лижется! – угодливо докладывал Головин. – Каждый вечер у него пребывает!

– Сие мне интересно! – почесал лоб вице-канцлер – Чую, будет большая игра!

Волынский же глаз с Соймонова не спускал. Хотела Анна Иоанновна его в генерал-полицмейстеры определить, Волынский не дал. Решила его губернатором в Оренбург отправить, опять кабинет-министр вмешался. В конфидентах у Волынского помимо Соймонова были граф Еропкин, советник Хрущев, секретарь иностранной коллегии суда и иные. Вместе сочинили они генеральный проект – тайную бумагу о новом устройстве империи. Отдельную главу о фабриках, заводах и флоте написал и Соймонов. Говорили меж собою откровенно. Волынский был предельно краток:

– Царица у нас дура, зато герцог Бирон умен. С него и начинать будем. Как свалим фаворита, тогда и за Анну возьмемся!

Но все случилось совсем не так, как предполагали конфиденты. Волынского предал собственный слуга, им же воспитанный. В первых числах апреля 1740 года начались аресты. Вначале взяли самого Артемия Волынского, за ним Хрущева с Еропкиным. Обвинения в растратах и воровстве отпали сами собой. Конфиденты были людьми честными и неподкупными. И тогда объявлено было о заговоре противогосударственном. Дело передали в Тайную канцелярию.

Соймонова арестовали последним. Схватили прямо дома, ночью. Семеновского полка адъютант Вельяминов кричал, горло надрывая:

– Слово и дело государынино! Хватай его живее!

Тем временем императрица Анна главу Тайной канцелярии Ушакова наставляла:

– Со злодеев пойманных спрашивай крепчайше!

Два раза старому костолому Ушакову говорить было не надо. Он лишь усмехнулся гнилыми зубами:

– Жилы вытяну, матушка, а заговорят!

Но ошибся Ушаков, конфиденты говорили мало. Вслед за другими потащили на дыбу и Соймонова. Трещали ломавшиеся кости, едко пахло паленым мясом, но петровский навигатор молчал. От нестерпимой боли Соймонов то и дело терял сознание, тогда пытку останавливали. Ушаков волновался, ногой Соймонова пинал:

– Не переборщить бы, а то помрет, какой же спрос с покойника!

По этой причине прибегал лекарь: щупал пульс, в глаза заглядывал, махал пухлой рукой:

– Продолжайт можно! Отшень сильный мюжик!

Но Федор Иванович по-прежнему упорно молчал, несмотря на все потуги истязующих. Единственное, в чем он признался, так это в том, что состоял в фамиллярной дружбе с Волынским, но это ни о чем не говорило.

Так, в пытках и допросах прошел месяц, за ним еще один. Обросшие, замученные конфиденты уже мало походили на тех блистательных сановников, которыми были еще недавно. Теперь от них остались лишь Тени. Наконец императрице с Бироном эта возня надоела.

– На суд и на плаху! – велели они.

Суд был скорый. Подсудимых даже ни о чем не спрашивали: раз судят, значит, виновен. Волынскому решено было за его крамольные речи вырвать язык, а затем живого посадить на кол. Соймонова, Еропкина, Хрущева да президента Коммерц-коллегии Мусина Пушкина – четвертовать. Другим же, кто рангом пониже был, милосердно объявили отсечение головы. Однако в последний момент Анна Иоанновна решила быть доброй.

– Сии жестокие казни следует упростить! – распорядилась она.

Было 27 июля 1740 года, когда приговоренных под бой полковых барабанов вывели к плахе. Босые и завшивленные, они жались друг к другу и шурились от непривычно яркого солнца. Первым вывели Волынского. Вначале ему рвали язык, затем рубили правую руку и только после этого голову. Следом полетели головы Хрущева с Еропкиным. Мусину-Пушкину рвали язык. Соймонова с остальными нещадно исполосовали кнутом, затем забили в колодки, бросили в сани и повезли через всю Сибирь на край земли в порт Охотский.

Уже почил в бозе императрица Анна, уже был отправлен в неблизкую ссылку Бирон, а крепкий караул все еще вез каторжанина Соймонова в Охотск. До Сибири новые вести доходят нескоро!

Дела каторжные

Охотские соляные промыслы – место гибельное, живут здесь недолго, кто год, кто два. Посылая сюда Соймонова, усопшая императрица Анна особо не рисковала: с промыслов не возвращался еще никто.

Дни и ночи, стоя по колени в соляном растворе, грузят каторжники огромные деревянные тачки, а, нагрузив, возят их по сопкам, соль выпаривать. Кандалы быстро растирают ноги, раны солью разъедаются до костей. Летом тучи гнуса, зимой сильнейшие морозы со шквальными морскими ветрами. На каторге нет фамилий, здесь у каждого своя кличка. Одного зовут Васька-Каин, другого, кто на дорогах разбойничал, Митяй-Кистень, Соймонова величали Федькой-варнаком. Он не обижался – каторга есть каторга.

Императрица Елизавета, придя к власти, велела:

– Федьку Соймонова, которого батюшка мой любил и отличал, с каторги забрать, шпагу ему вернуть, да знаменем покрыть, дабы никто никогда не порицал его наказанием!

Но приказать куда легче, чем приказание исполнить. Куда в точности сослали Соймонова, никто, разумеется, не знал. Кроме того, каторжан в то время лишали фамилий и обитали они на каторге только под отчествами. На поиски Соймонова был послан лейтенант Чекин, помнивший его в лицо. Проехав Западную и Восточную Сибирь, где никто слыхом не слыхивал о каком-то каторжном адмирале, лейтенант добрался до Охотска. Дальше ехать было уже некуда – дальше океан. Просмотрев списки работников на местном соляном заводе, Чекин не сыскал Соймонова и там.

– Все! – заявил офицер охотскому начальству. – Что мог, я сделал, но следов соймоновских нигде сыскать не смог, да может, бывшего генерал-кригс-комиссара и в живых-то давно уже и нет! Чего ж я буду до скончания века своего по дебрям шататься! Пора и в путь обратный!

Перед отъездом зашел лейтенант в пекарню заводскую, чтобы взять себе булок в дорогу. Одна из баб как раз вытащила из печи горячий хлеб.

– Вот вам в дорожку с пылу с жару!

Завернув каравай, Чекин спросил баб по привычке:

– Не знаете ли вы такого работника каторжного, как Федька Соймонов из морских?

– Не! – покачали бабы головами. – Такого знать не знаем!

А та, что караваи в тряпицу заворачивала, кивнула в угол:

– Вона в углу храпит Федька-Варник, он говорят, когда-то на лодке плавал, можа, и знает что!

Офицер растормошил старика. Тот спросонья протирает глаза.

– Не знаешь ли, старый, нету ли здесь Федора Соймонова?

Спросив, пригляделся к старику. Несмотря на распатланную бороду и грязное лицо, что-то показалось в каторжнике знакомым.

– А на что он вам? – спросил дед недоверчиво.

– Да воля ему вышла от государыни нашей, вот ищем по всей Сибири-матушке!

– Да, был некогда Федор Соймонов, но теперь он несчастный Федька Иванов!

– Федор Иванович! – схватил Чекин каторжника за плечи. – Вы ли это?

– И я, и не я! – вздохнул Варнак, и из глаз его выкатилась скупая слеза.

В тот же день сообщил лейтенант охотскому начальству об обнаружении бывшего генерал-кригс-комиссара и предъявил высочайший указ о его освобождении.

Немедленно на городской площади были выстроены полтора десятка солдат-инвалидов при офицере – весь охотский гарнизон. За неимением знамени воздели на древко флаг

Андреевский. Лейтенант зачитал вслух высочайший указ, Соймонова накрыли Андреевским флагом и Чекин вручил ему офицерскую шпагу.

В кибитке (но под конвоем!) Соймонова повезли в Москву. Там, перед Успенским собором его снова покрыли знаменем и объявили о возвращении всех привилегий. Гремели барабаны. Когда действие закончилось, вчерашнего каторжанина вновь взяли под караул и повезли в родовую деревеньку Волоково, что в лесах под Серпуховом. Там Соймонову было велено жить безвыездно. Почему? Отчего? Разве ж прознаешь! Потянулись годы...

– Как поживаешь? – спрашивали его участливо немногие приезжающие друзья.

– Скучно! – коротко отвечал Соймонов.

Скучный период продолжался без малого одиннадцать лет. Чем занимался все это время Соймонов? Конечно, читал и писал. Работал, не покладая рук, при свете солнечном и при свечах. Не имея возможности заниматься любимой картографией, Соймонов обратился к истории.

– Мои намерения более чем скромны! – говорил он подросшим сыновьям. – Хочу не фолиант премудрый писать, а едино короткий текст для любознательных!

Нам, живущим в веке двадцатом, увы, уже никогда не увидеть этот первый российский учебник истории. Рукопись Соймонова была после его смерти безвозвратно утеряна.

Всероссийского отечества всенижайшему патриоту (так любил именовать себя в письмах Соймонов) шел уже седьмой десяток, когда о нем наконец-то вспомнили. Из деревенского небытия вернул его друг юных мичманских лет, а ныне сибирский губернатор Василий Мятлев.

Историки в один голос называют Мятлева большим вором и человеком государственного ума. Императрице Елизавете Мятлев заявил:

– Камчатская экспедиция, что батюшкой вашим содеяна была, завершена со славою, но изыскания в пределах сибирских продолжать надобно и далее.

– Что же еще пройти следует? – спросила дочь Петрова, томная и румяная.

– Края студеныя, нерчинские!

– Дело многотрудное, – махнула пухлой рукой Елизавета, – пусть высокий Сенат решает?

Сенат против экспедиции не возражал. Деньги выделили на редкость быстро, спросили лишь, кого хочет губернатор начальником ставить.

– Лучше Соймонова Федора кандидатур нету! Он и практик, и ученый, и картограф, и моряк! – объявил Мятлев.

– Но ведь каторжник? – возмутились сенаторы в париках напудренных.

– Ну а это на Руси почти что академик! – парировал упрямый Мятлев. – Да и не в столицу же его посылаем, а в самую что ни на есть глухомань, в Нерчинск!

– Ладно, в Сибирь пущай катится! – посовещавшись, решили мудрые сенаторы. – Нам забот меньше.

Надо ли говорить, как воспринял предложение Мятлева Соймонов! В неблизкую дорогу он собрался в два дня. С собою взял старшего из сыновей Михаила да двух учеников-геодезистов, Гвоздева и Чекина, пожелавших разделить с ним тяготы предстоящей экспедиции.

Задача была очень сложная. Прежде всего надо было составить описание всех водных путей от Иркутска до Нерчинска, затем нанести на карты реки: Селенга, Хилок, Ингода, Онон, Нерчь, Шилка, Газимур и Аргунь, подробно изучить все прилегающие к ним земли. В Томске Соймонов укомплектовал свою команду матросами, солдатами и казаками. Проездом через Иркутск помог организовать местную навигацкую школу. Ну а затем была бескрайняя сибирская тайга, бурные реки с перекатами и порогами и работа, работа, работа...

Спустя полтора года в Ирку прибыл, обросший бородой, Соймонов-младший. Губернатор Мятлев принял его незамедлительно:

– Как дела у Федора Ивановича?

В ответ Михаил вывалил на стол ворох бумаг:

– Вот планы Амура, Шилки и Аргуни. А это генеральная карта Нерчинска, здесь и речка Нерчь.

В тот же день Мятлев сел за стол и самым подробным образом отписал в Сенат о подвигах соймоновских. «А в том, чтоб ево определить чином, крайняя нужда состоит, ибо из имеющихся в Камчатской экспедиции офицеров я в команду ево поручить их не смею...»

Тем временем соймоновские отряды уходили все дальше в тайгу. Так в неустанных трудах и заботах прошло без малого три года. Наконец к 1757 году Соймонов смог донести в Сенат, что им и его соратниками составлен полный Нерчинский атлас.

Губернатор всея Сибири

А в Европе уже вовсю полыхала новая война, которая войдет в историю как Семилетняя. На этот раз делилось испанское наследство. Россия двинула свои полки против Фридриха – короля прусского. Тогда же был отозван в Кронштадт и генерал-поручик Мятлев для употребления во флоте. И снова поворот судьбы: по ходатайству Мятлева Соймонову дали чин тайного советника. А после этого еще один указ, да какой! Соймонова назначили генерал-губернатором всея Сибири!

– Ну вот! – вытер вспотевший лоб Соймонов, прочитав указ. – Из каторжан да в губернаторы! Чудно жить на матушке Руси!

Теперь его ждал Иркутск и руководство землями, на которых могло бы разместиться несколько Европ. Оставив экспедицию на попечение сына Михаила, Соймонов 27 октября 1757 года вступил в должность. Руку нового губернатора Сибирь почувствовала сразу: ведь он знал эту бескрайнюю и загадочную землю не понаслышке. Деятельность свою Соймонов начал с того, что разогнал из собственной канцелярии дураков и бездельников. Особенно суров был со взяточниками и обидчиками. Этих карал безжалостно: кого чинов лишал, а кого – и в солдаты. Серьезно занялся Соймонов и хлебопашеством. В этом первом помощником ему стал сын Михаил – энтузиаст этого дела.

Чем только не занимался Соймонов! Он выписывал из Парижа валторны для местного оркестра, строил крепости на границе с Китаем, вел дипломатические переговоры, строил суда и рудные шахты, судил и освобождал из-под стражи. Авторитет Соймонова был непрекращаем. Сибирь помнила его как каторжанина, знала как неугомонного исследователя, теперь же приняла как правителя. Изумляло в нем то, что новый губернатор не воровал! Это было так поразительно, что поначалу никто и не верил. Затем, когда неподкупность губернатора подтвердилась, его стали почитать едва ли не как святого.

В немногие же свободные минуты Федор Иванович по-прежнему занимался любезной ему картографией, ну и, конечно же, бывший моряк не мог оставить без внимания и судоходство. Теперь местные шкипера чесали затылки над морским уставом Петра Великого.

– Сибирь – золотое дно! – не раз повторял он своим соратникам. – Наша цель одна – открыть это дно на благо Отечества.

Не забывал Федор Иванович и о своем морском прошлом. При нем продолжились исследования Аляски и Курил, Лисьих островов и Алеутских. Капитанов Вашмакова да Глотова, Пушкарева да Бечевина принимал всегда как сыновей родных. И здесь Соймонов оставался верен себе: отправляя капитанов в очередное плавание, вручал он им карты собственной работы, обстоятельные и выверенные. А из Адмиралтейств-коллегии неотступно требовал то компасы с квадрантами, то штурманов да мастеров корабельных. Адмиралы возмущались, расходы подсчитывая:

– Совсем Федька очумел, словно не тайга у него, а окиян в губернаторстве!

Но бумаги подписывали и просимое высылали. Понимали: не для себя радеет Соймонов, для дела.

На семидесятипятилетие старика наградили орденом Александра Невского. Указ о награждении подписала уже взошедшая на престол Екатерина II.

– Что-то зажился я на свете белом, – качал седой головой сибирский правитель. – Потому как счет царям да царицам давно потерял!

В те дни занимался Соймонов делом, для Сибири необычным, – образовывал свое собственное войско, которое велел именовать не иначе как братским. Одновременно решил торговать бобрами с Китаем, и вскоре иркутские да тобольские щеголихи уже прогуливались в тончайших шанхайских шелках. Но годы уже брали свое, и, посылая сына Михаила в 1762

году в столицу с планами пограничных укрепленных линий, он велел просить государыню об отставке. Ни у императрицы, ни у Сената возражений не было.

Однако по причине дальних расстояний отставку получил Соймонов лишь на следующий год. А перед самым его отъездом прикатил в Тобольск представитель Парижской академии аббат Шапп д'Отерош.

– Я прибыл смотреть прохождение Венеры пред диском Солнца, – заявил он губернатору и вручил рекомендательное письмо от старого соймоновского знакомого академика Миллера.

– Сие интересно безмерно? – покачал головой Соймонов и отъезд свой из Сибири... отменил!

– Да когда я наконец маковки-то московские увижу, сколько ж можно по чащобам таскаться? – плакала жена, развязывая с дочками узлы приготовленные.

Губернатор меж тем вел научные споры с французом. Для начала показал свой квадрант с телескопом, чем вверг аббата в беспредельное удивление.

– Вообще-то я сторонник гелиоцентрической теории Коперника! – объявил он затем вконец изумленному Шаппу д'Отерошу. – А в кого веруете в науке вы?

– О, я сам в душе антиклерикал и ваш единомышленник! – закивал головой аббат.

Обсерваторию Соймонов воздвиг в версте от Тобольска на высокой горе. Самолично настроил свой телескоп и пригласил на зрелище всех желающих. Пришли многие, даже митрополит Павел с огромной свитой служителей. Во время прохождения Венеры самолично объяснял Федор Иванович собравшимся все тонкости науки астрономической. Слушатели понимали немного, но слушали с вниманием. Как же – сам губернатор о чудесах небесных рассказывает!

Ну, вот и все, пора в дорогу! Толпу тобольских обывателей поразило, что вещей за время губернаторства нажито было у Соймонова ровно столько, сколько десять лет назад, когда он сюда приехал. Кто мог из них знать, что увозил из Сибири Федор Иванович нечто большее, чем мягкую рухлядь. Он увозил свои научные труды, и среди них главнейший «Древняя пословица – Сибирь золотое дно. О настоящем и будущем великого края».

Еще более удивительно, что многое из того, что было сделано Соймоновым в Сибири, смогли оценить лишь в наше время. Федор Иванович научно разработал (первым в мире!) теорию экономически самостоятельного региона и, что еще более поразительно, удачно воплотил ее в жизнь! Таких регионов он Создал в сибире шесть, и в каждом были свои промыслы, заводы и даже стекольные ломоносовские фабрики. и это в середине века восемнадцатого!

Осень патриарха

В марте 1763 года бывший сибирский губернатор наконец-то прибыл в Первопрестольную. Бывшая в это время в Москве на коронации Екатерина II незамедлительно пригласила его к себе. Рассказав о своих делах, Соймонов поинтересовался, кто будет назначен на его место.

– Чичерин! Человек он добрый и честный, только дел тамошних не знает, потому как всю жизнь в гвардии служил, – отвечала императрица. – Не оставь ты Чичерина, подучи!

Будучи человеком обстоятельным, Федор Иванович взялся за учебу нового губернатора столь ревностно, что вскоре Чичерина стали звать при дворе не иначе как соймоновский сынок. В остальное время Соймонов разбирал дела сибирских заводчиков да ямщиков, инструктировал ясачных сборщиков. Фаворит Григорий Орлов, за плечи обнимая, Соймонова уговаривал:

– Давай, Иваныч, в чины сенатские!

– Стар я и здоровьем слаб, долго в заседаниях не высижу!

Но Орлов не отступал:

– С матушкой я уже посоветовался. Сенатство тебе облегчим. Заниматься будешь делами сибирскими, а сидеть – в Москве, в конторе особой. К тому ж и сына Мишку при тебе оставим. Соглашайся, Иваныч!

И Соймонов согласился. Сибирь уже держала его навсегда! Не всем новое назначение пришлось по вкусу. Чиновники, делами сибирскими ведавшие, приуныли.

– Послал Господь на нашу голову напасть! Все прознаёт аспид, не обманешь!

Дел у Соймонова и вправду хватало. Вместе с Михайлой Ломоносовым он составлял прожекты Северного морского пути, правил каспийские карты, много писал. Весной 1766 года Федор Иванович тяжело заболел.

– Одряхлел я уже совсем, и болезни множатся! – жаловался он доктору Моуту.

Указ о вечном увольнении Екатерина II подписала без проволочек. В апреле пожалованный в тайные советники Соймонов был уволен.

И снова деревня, густые дубравы, прозрачные речки – край детства и старости. Ковыляя на костылях (отказали ноги), Федор Иванович каждое утро взбирался на кособок подле усадьбы. Оттуда открывался вид на поля окрестные. Старик жадно ловил порывы ветра, смотрел, как проносятся над головой облака. Все у него было уже в прошлом. Теряя остатки зрения, дрожащей рукой Соймонов писал о самом дорогом – о Петре. Между строк он рисовал корабли с парусами, полными ветра. Все для него было уже в прошлом...

11 июля 1780 года старого моряка не стало. В последний путь провожали Федора Ивановича дочери Лиза да Мария. Погребли его на кладбище, что при Высоцком монастыре близ Серпухова. Было тогда Соймонову 88 лет, и знала его вся Россия.

Из рода Сенявиных...

Вице-президент Адмиралтейств-коллегии Мордвинов большими шагами вошел в совещательную залу, бросил в кресло шляпу и трость:

– Господа! В связи с началом войны турецкой велено государыней возродить флотилию для действия на море Азовском, а после завоевания оно́го – и на море Черном! Ура!

– Виват! Виват! Виват! – троекратно прокричали ему в ответ российские адмиралы.

Новое назначение

Речь Мордвинова вызвала среди членов коллегии сильное оживление. Когда шум стих, начался разговор по существу. Прикинули сроки приготовления флотилии, определили примерные штаты на первое время, посмотрели, во что это предприятие для казны обойдется.

Затем перешли к вопросу многотрудному и щепетильному: кому доверить пост командующего. Судили и так, и этак. Будущий флагман азовский должен был отвечать требованиям многим: иметь опыт плаваний морских и чин соответствующий, чтобы старшинство в чинах не нарушить, разбираться в делах бумажных и кораблестроительных (ведь флотилию только еще предстояло создавать!). Наконец, адмиралы остановили выбор на двух кандидатах: начальнике кронштадтском вице-адмирале Григории Спиридове и начальнике эскадренном контр-адмирале Алексее Сенявине.

Однако насчет Спиридова имелись соображения другие. Вице-адмиралу предстояло возглавить эскадру средиземноморскую, проложить дорогу к Дарданеллам, чтобы оттуда подпалить Оттоманскую Порту. И члены коллегии остановились на втором кандидате.

За Сенявина голосовали единогласно. Лишь старый адмирал Льюис, склонившись к уху сидевшего рядом гидрографа Нагаева, прошепел ядовито:

– Двинули-таки кверху ентого молокососа, а за какие, спрашивается, заслуги?

Но Нагаев не поддержал, отмахнулся:

– Будет тебе! Как порешили, так и порешили.

Алексей Сенявин, сухощавый и подтянутый, встал с кресла. Контр-адмирал без лишних слов заявил, что костыми ляжет, а через три года выйдет с новостроенным флотом в море Азовское, а там и далее. Слыша такие речи, покачал напудренными буклями отставной адмирал Милославский, бурча недоверчиво:

– Вот ведь как нынче такие дела решаются. Раньше бы уж точно с полгода заседали, а тут раз – и флот строить в полчаса. Да возможно ли такое?

В конце концов было решено следующее:

«1. Употребить оной коллегии всевозможное старание примыслить род вооруженных военных судов... 2. К рассуждению и сочинению в силу сего указа призвать вице-адмирала Спиридова и контр-адмирала Сенявина, ибо первый в нужных местах сам был, а второму действовать...»

Род Сенявиных на Российском флоте известен давно. Родоначальник его – Наум Сенявин – одержал победу в Эландском сражении 1719 года и числился в лучших капитанах у Петра. Обращаясь к нему, государь любил приговаривать: «Держай, чадо!»

Пришло время, и ступил на корабельную палубу сын – Алексей Наумович. За пятьдесят два года, отпущенных жизнью, многое довелось повидать и испытать младшему Сенявину. Еще в мичманском чине совершает он свое дальнейшее плавание из Архангельска в Кронштадт. В турецкую войну 1735–1739 годов состоит адъютантом при отце на Днепровской флотилии; через три года снова воюет, на этот раз со шведами. В войну Семилетнюю, уже в чине капитана 2-го ранга, успешно командует кораблем «Александр Невский». Выказывает отменную храбрость при штурме прусской крепости Кольберг и, несмотря на сильную контузию, не покидает шканцев. В победной реляции его подвиг отмечен особо: «...Прошел под жесточайшим огнем противника вдоль крепостных укреплений, подавляя метким огнем своих пушек одну прусскую батарею за другой».

Вследствие контузии Сенявин вынужден на несколько лет покинуть капитанский мостик. Еще не закончив лечение, он вновь возвращается на службу, сперва генерал-казначеем, а затем и эскадренным начальником.

И вот теперь новое назначение, да какое! Велик груз ответственности, велик спрос, но велика и честь быть первым флагманом зарождающегося южного флота России!

Пред отъездом на юг Сенявина приняла императрица Екатерина II.

– Ваша и Средиземного моря экспедиция есть детища мои, под сердцем лежащие, исход их благополучный вижу я во снах своих! – говорила она контр-адмиралу. – Таганрог и Азов, эти два драгоценных камня, должны получить достойную оправу – вашу флотилию, адмирал. Разумеете ли вы это?

– Разумею, государыня, только тесно мне будет среди берегов азовских!

– Придет время, – улыбнулась Екатерина, – и увидит российский флаг не только море Азовское, но Понт Эвксинский с Боспором! Я ж, как и все россияне, буду ждать от вас подвигов на морях южных! Ведь на нас вся Европа смотрит. Вот что вчера я из Франции получила от одного из своих друзей.

Екатерина неторопливо подошла к стоявшей на низком столике шкатулке и, открыв ее, достала письмо. Щуря близоруко глаза, зачитала по-французски: «Дай Бог, чтобы ваше величество успели завести на Черном море сильный флот. Вы, конечно, не удовлетворитесь продолжением оборонительной войны, и я весьма уверен, что Мустафа будет побит на суше и на море».

– Это пишет наш друг Вольтер, – проговорила она, положив письмо обратно в шкатулку, – мы все будем молиться за ваш успех!

– Не пощажу живота своего! – склонил голову Сенявин и, печатая шаг, покинул залу.

Глава российской Адмиралтейств-коллегии граф Иван Чернышев напутствовал командующего Азовской флотилией с теплотой душевной:

– Бога ради, постарайся быть достойным имени сына Наума Акимовича. Дерзай, чадо!

Через несколько часов перекладной возок уже трясся по ухабам российских дорог. За окном метелило вовсю. Продышав на замерзшем стекле глазок, смотрел адмирал на стоящие под снегом леса.

– Ну-ка, Микола, – толкнул он в бок храпевшего денщика, – раскинь умом, что для предохранения обшивки корабельной от древоточцев надежней будет: шерсть со стеклом толченым вперемешку или мазь смоляная с порохом в пропорциях известных?

Сонный Микола нехотя высунул из-под душного тулупа голову.

– Не, пороху не надоть, от ентой гадости завсегда одна беда!

Так и ехали: за Москвой – Калуга, за Калугой – Воронеж. Воронежский губернатор Маслов настойчиво отговаривал Сенявина от дальнейшей поездки в одиночку, ссылаясь на шайки бродящих по степи татар. Но контр-адмирал был в своих намерениях тверд:

– Мне флот строить надобно, а не ждать, пока война кончится!

Пара заряженных пистолетов, резвые кони да российская удаль – что еще надобно? Вперед!

На татар все же напоролись, но смогли отбиться и от погони оторвались. Через несколько дней Сенявин был уже в Таганроге. Спрыгнув с возка на черный весенний лед, скинул с плеч шубу, лом в руки – и за дело. Пока местные начальники сбегались, он уже с дюжину лунок прорубил. Тщательные промеры гавани подтвердили предварительные данные: корабли базироваться на Таганрог могут, хотя и с трудом.

Но настоящая работа еще только начиналась. Сенявин трудился днем и ночью, ел в седле, спал где придется. Заготавливал лес для будущих фрегатов, создавал гавани, выбивал пополнения экипажам кораблей, обговаривал с купцами условия поставки пушек... Работая как каторжный, требовал того же контр-адмирал и от других. Нелегко жилось мастеровому люду на южных верфях. Болезни и смерти были делом столь обыденным, что на них и внимания-то не обращали. Помер так помер, нового работника искать надобно, да поскорее: работа стоит!

Результаты адова труда дали плоды намного скорее, чем того ожидали в Санкт-Петербурге. Уже 1 марта 1770 года был спущен на воду первый корабль новой конструкции. Через две недели второй, затем еще и еще. Эти суда имели весьма сильную артиллерию и малую осадку, что делало их незаменимыми для боевых действий на мелководном Азовском море. Имена им давали со значением – в память побед, одержанных русским флотом в Средиземноморье: «Модон», «Корон», «Морея»...

К концу апреля на донских волнах качалось уже десять способных к плаванию кораблей. Готовя их к выходу в море, Сенявин в разговоре со своим главным помощником капитаном 1-го ранга Сухотиным сетовал на мелкость Таганрогской гавани:

– Вот ты, Яша, как гидрограф наш наипервейший, скажи мне: можно ли оную гавань достаточно углубить? А то будут наши новострой не стоять, как порядочным кораблям положено, а карсями в грязи валяться!

– Всю гавань углубить сил не хватит, – отвечал всегда невозмутимый Сухотин, – надо фарватер рыть!

– Вот ты этим и займись, а я отправлюсь глядеть крепость и порт Азовский!

Но выехать в Азов Сенявину не удалось – свалила лихорадка, пошла горлом кровь. Отправляя в Санкт-Петербург адъютанта Апраксина с отчетами о проделанной работе, командующий наставлял его:

– О сей болезни жене моей, Анне Никитичне, не сказывай, а ежели она от кого о том сможет проведать, то прими на себя труд уверить ее, что я здоров.

Выходя, адъютант столкнулся в дверях с армейским офицером. То был курьер от командующего Второй армией. Генерал Румянцев ставил перед флотилией первые боевые задачи: «Операции вашей флотилии весьма бы споспешествовали военным действиям нашим, если вы пройдете со своими судами в Черное море и отрежете всю помощь крепостям неприятельским, что лежат при берегах морских в Крыме».

– Пиши ответ! – тут же велел курьеру Сенявин. – Отходя от Таганрога при остовых ветрах, можно прийти до крепости Еникале в трое суток, ежели надо будет идти далее, то при тех же ветрах до Константинополя ходу нам дней на семь...

Контр-адмирал прикрыл глаза. За морем Азовским виделись ему уже просторы черноморские.

На море Азовском

Азовское море... Казалось бы, кому до него дело, кроме Петербурга и Стамбула! Но нет, «союзыники» России проявили к экспедиции Сенявина самый живой интерес. Государственный канцлер Австрии Кауниц выговаривал турецкому послу в Вене:

– С потерей берегов Черного моря в Европе вы потеряете и отдадите России выгоду драгоценную – обладание устьями значительных рек, по которым приходят из отдаленных краев материалы для постройки их южного флота!

В тот же день посол оповестил султана: Австрия негласно всячески готова поддержать турок в борьбе за Крым и Азов. Мустафа III велел весь остаток своего флота, потерпевшего сокрушительное поражение в июне 1770 года в Чесменской бухте, отправить в Азовское море, дабы испепелить и уничтожить немногие суда дерзких москвитов.

Наступало время испытаний для молодой Азовской флотилии, время первых морских сражений, время тревог и побед!

К весне 1771 года обстановка на сухопутном фронте уже окончательно изменилась в пользу русской армии. Потерпев ряд сокрушительных поражений от армии генерала Румянцева, турки перешли к обороне. А в июне 1771 года, взяв Перекоп, в Крым вступила армия Василия Долгорукова. Теперь Азовской флотилии предстояло оказывать помощь русским войскам в овладении Еникале – мощной крепости, контролирующей вход в Керченский пролив.

Алексей Сенявин поднял свой флаг на корабле «Хотин» 20 апреля. Собрав на шканцах команду, он объявил:

– Покажем желаемые успехи да дадим почувствовать сей стихии силу и действие премудрой нашей монархини! Сделаем скоро известным наш флаг в здешних водах!

Матросы отвечали дружным «ура!». Офицеры салютовали шпагами.

Курс флотилии контр-адмирал проложил к Керченскому проливу, где, по данным лазутчиков, находилась сильная турецкая эскадра. Шли двумя отрядами. Первый отряд, состоящий из кораблей, вел капитан Сухотин, второй, из мелких судов да казачьих лодок, – капитан Скрыплев. Сам командующий – на «Хотине» под белым брейд-вымпелом.

Осторожно, делая промеры глубин, вошли в пролив. Штормило. Вскоре обнаружили и турок. Неприятель держался под берегом. Русские корабли, едва наполнив свои паруса, немедленно устремились вперед. Не приняв вызова, турецкие суда на парусах и на веслах старались оторваться от неожиданного противника. Внезапный шквал из дождя и тумана накрыл противоборствующие стороны. Туркам это было на руку.

Едва погода улучшилась, русская флотилия возобновила атаку. Турки, не сделав и выстрела, пустились в бегство, преследуемые кораблями Сенявина. Погоня продолжалась целые сутки, пока турецкие суда не нашли себе прибежище под стенами Еникальской крепости. Так турецкий флот был изгнан из Азовского моря, изгнан навсегда!

В своем донесении в столицу Сенявин писал: «Выгнанных из Азовского моря судов больших и малых, как то шебек и полугалер, видно было 14, а теперь в заливе Керченском до 30; по сей час я могу уверить... что милостию Божиею на Азовском море владычествует флаг всероссийский императрицы, с чем и имею честь... поздравить».

Заслуги Сенявина без внимания императрицы не остались. За успешное и скорое строительство флотилии он был пожалован орденом Святой Анны, а за бескровную победу при Еникале получил орден Святого Александра Невского, второй по значению в империи!

Сам же флагман Азовской флотилии столь щедрые награды расценивал как аванс, а оттого трудился не покладая рук. На Хоперских верфях заложил Сенявин сразу два 32-пушечных фрегата для будущих действий на море Черном. С названиями не мудрствовал:

первый из фрегатов назвал «Первым», второй же – «Вторым». Изыскивал адмирал и способы борьбы с червями-древоточцами, что в южных водах изъедают корабельную обшивку. Самолучно травил их всяческими отравками и в банках стеклянных отсылал в Адмиралтейств-коллегию для обозрения.

А в конце июля 1771 года под ударами русских войск пали Еникале и Керчь. Отныне путь в Черное море был для русских кораблей свободен!

– Теперь нам надобны настоящие линейные корабли! – сетовал Сенявин. – Без оных с флотом турецким совладать нам трудно будет!

Однако старые верфи строить суда столь большие не могли. И все же командующий нашел выход. Он велел закладывать фрегаты, но размеров больших, чем прежде. Сидя ночами над чертежами и расчетами, добился Алексей Наумович и того, что разместил он на тех фрегатах до 58 пушек, почти столько, сколько несли на себе корабли линейные.

Кампанию следующего, 1772 года азовцы начали с дозоров вдоль всего крымского побережья, надежно прикрывая его от возможных турецких десантов. Отряды контр-адмирала Баранова, капитанов Кингсбергена и Сухотина непрерывно крейсировали на подходах к полуострову. Сам же Сенявин с сильным резервом находился на якорях у Керчи, готовый по первому сигналу броситься на пересечку неприятельской эскадре.

В течение всего года турки так и не решились напасть на русские корабли, ограничиваясь лишь разведкой да мелкими вылазками. Сенявин же, не теряя времени даром, сколачивал экипажи, готовя флотилию к грядущей борьбе за обладание Черным морем. Ни у кого сомнений не было, что нынешнее затишье временное: турки Черного моря без боя не отдадут.

Весной 1773 года Сенявин объявил своим капитанам:

– Детство и отрочество наше позади. Теперь настала пора возмужания, а посему мы переходим к действиям наирешительным!

Сказано – сделано. Вскоре каперанг Сухотин обнаружил отряд неприятельских судов в устье реки Кубани. Немедленно последовало нападение. Потеряв в ожесточенной перестрелке два судна, турки бежали. А через несколько дней новый успех: на этот раз Сухотин разгромил турецкий отряд, спешивший на помощь первому. И снова неприятель недосчитался нескольких судов.

Но главные события кампании 1773 года были впереди. Основные силы турецкого флота еще только нацеливали форштевни своих кораблей в сторону Крыма. И 23 июня неприятель был обнаружен неподалеку от селения Балаклава. Турки держались к ветру. Командир российского отряда капитан Кингсберген на своей «Короне» атаковал с ходу, не отставал от флагмана и шедший следом «Таганрог». Сражение длилось более шести часов. «В продолжение сего с обеих сторон чрезвычайного огня... были от них в море многое число убитых... от такого неустрашимого сопротивления ощущал неприятель великий вред и пришел уже в крайнее изнеможение, принужден был уступить и, поворотя, поднял все паруса, бросился в бег тем же самым следом, откуда пришел...» Сам Кингсберген был краток:

– Честь сего боя я приписываю прежде всего храбрости моих команд! С этими молодцами я выгнал бы и черта из ада!

Едва Сенявину стало известно о Балаклавской баталии, он поспешил на помощь Кингсбергену. Тем временем храбрый кавторанг выдержал еще одно ожесточенное сражение с турками: 23 августа он решительно атаковал с расстояния картечного выстрела турецкую эскадру в восемнадцать вымпелов. В ее составе было три линейных корабля и четыре фрегата. Не выдержав напора, турки отошли под защиту крепости Суджук-Кале. А вскоре подошел с несколькими кораблями Сенявин, и тогда объединенная русская эскадра повторила нападение. Документы донесли до нас рассказ самого Алексея Наумовича о том сражении: «...И я построил свой флот на той же линии, на коей и они шли, имея на кораблях новоизоб-

ретенного рода все паруса, пошел на них, что неприятель усмотрел и, хотя имел превосходство в числе и величине своих кораблей... сколько можно иметь парусов, побежал к Анатолии: мы гнались за ними до самой ночной темноты...»

А спустя несколько дней Керчь с музыкой и пушечной пальбой встречала победителей. Морская кампания была завершена блестяще! Российские моряки надежно прикрыли крымские берега от турецких посягательств. Отныне Андреевский флаг развевался над просторами черноморскими. Так начала сбываться мечта многих поколений россиян...

Но успокаиваться было рано. В следующем году турки предприняли еще одну отчаянную попытку прорваться через Керченский пролив и нанести удар по Таганрогу. Для этой цели был собран весь оставшийся после чесменского погрома флот: пять линейных кораблей, десяток фрегатов, множество галер и мелких судов. Вел флот сам Гассан-паша, любимец султана и обладатель почетнейшего титула «крокодил морских сражений». Гассан-паша в успехе дела был уверен, перед отплытием из Стамбула он обещал султану:

– Клянусь небом, о великий из великих, что я не оставлю камня на камне от морского прибежища московитов – Таганруха! Самого ж их предводителя Сеняфина обезглавлю, а голову доставлю в Стамбул, чтобы бросить на прокорм бродячим псам!

Но едва на салингах турецких кораблей стали различимы керченские берега, турки сделали неприятное открытие: дорогу им заступили суда контр-адмирала Василия Чичагова. Еще совсем недавно Чичагов бороздил воды средиземноморские и вот теперь принял под начало отряд судов на Черном море. Несколько попыток окружить свой отряд Чичагов отбил, а затем умелым маневром отсек турок от пролива. Сам же занял позицию под прикрытием береговых батарей. Не желая рисковать, бросил якоря и Гассан-паша, ожидая подхода подкреплений из Стамбула. Первым, однако, появился в проливе Алексей Сенявин. Он выгреб по азовским портам все, что мог, и во главе сборного отряда мелких судов явился перед неприятелем, чтобы пасть, но не пропустить его в Азовское море. Подошло подкрепление и к туркам. В отличие от сенявинских шебек да лодок это были мощные линейные корабли и фрегаты. Перевес в силах еще больше склонился на сторону неприятеля.

Гассан-паша атаковал Азовскую флотилию 28 июня. Турки, уверенные в успехе, шли как на параде. С палуб их кораблей устрашающе размахивали ятаганами бритоголовые янычары, выкрикивая во всю глотку: «У, урус шайтан!»

На палубах русских судов было тихо. Лишь потрескивали горящие фитили в руках готлангеров да шумел ветер в парусах. По распоряжению Сенявина капитанам судов было велено не открывать пальбы, пока неприятель не приблизится на дистанцию картечного выстрела.

...И вот русскую боевую линию заволокло пороховым дымом. Сотни ядер, завывая, понеслись к цели. Точность огня азовцев была поразительной. Их пушки рушили рангоут, поражали корпуса, испепеляли паруса. На одном из турецких судов от многих попаданий обрушился в воду целый борт с пушками и людьми... Турки некоторое время пробовали держаться, но вскоре не выдержали. Бегство «крокодила морских сражений» было паническим. Желая как можно быстрее оторваться от противника, он велел даже буксировать свои корабли галерами.

А вскоре в селении Кучук-Кайнарджи был заключен мир, по которому Турция признавала право России на обладание северным Причерноморьем. В дни победных торжеств высочайшим указом Екатерина присвоила Алексею Сенявину чин полного адмирала... Отгремели залпы, и Сенявина стали заботить дела иные. Предстояло обустроить Азовскую флотилию на берегах черноморских, построить порты и верфи, береговые батареи и жилье...

Беда пришла, когда адмирал ее и не ждал: внезапно обострились старые болезни. Лекаря, осмотрев Сенявина, сказали коротко:

– Немедленно уезжать на север, промедление – гибельно!

В 1776 году Алексей Наумович покидает Таганрог и, сдав дела контр-адмиралу Федоту Клокачеву, уезжает в Петербург.

Но начатое им дело дало хорошие всходы. В 1779 году на херсонских верфях заложили первые линейные корабли, а еще через три года русские корабли бросили свои якоря в Ахтиарской бухте, где вскоре началось интенсивное строительство главной базы Черноморского флота – Севастополя.

В это время Алексей Сеньявин уже служил в Адмиралтейств-коллегии: инспектировал корабли, разрабатывал новые проекты судов, изыскивал новые способы предохранения корабельных корпусов от гнили и древооточцев... А болезни все больше одолевали его. Последние годы своей жизни старый адмирал почти не мог ходить. Адмирала, кавалера многих российских орденов Алексея Наумовича Сеньявина не стало 10 августа 1797 года.

Но династия моряков Сеньявиных не оборвалась. Эстафету служения Отечеству принял племянник Алексея Наумовича – Дмитрий Николаевич – будущий герой Афона и Дарданелл. Тот самый, которого дядя напутствовал перед отъездом на Черное море словами старыми, петровскими:

– Дерзай, чадо!

Герой патрасского сражения

Месяца мая восьмого числа года 1772 город Ревель прощался с эскадрой контр-адмирала Чичагова. Русские корабли спешили в далекое Средиземноморье, чтобы подкрепить героев Чесмы и окончательно закрыть туркам выход из Дарданелл.

Укомплектована эскадра была моряками опытными, но корабли в нее включили новые, только что со стапелей. Имена по этой причине присвоены были по следам событий недавних и славных: «Чесма», «Победа», «Граф Орлов». На флагманском «Орлове», что уходил в море под адмиральским флагом, капитаном – Коняев Михаила Тимофеевич, моряк опытный и воин храбрый.

Моряки торопились: их ждали в далеких южных водах боевые товарищи. Шли по этой причине лихо, неся даже при крепком ветре все паруса. Плавание было тяжелым, но уже в середине августа эскадра бросила якоря на рейде итальянского порта Ливорно. Здесь моряки с удивлением узнали, что адмирала Василия Чичагова высочайшим orderом отзывали в Россию. Там ему предстояло принять под начало эскадру на море Азовском. Эскадру велено было принимать Коняеву как старшему по должности.

В тот же день контр-адмирал съехал на берег, а Коняев поднял над «Графом Орловым» отрядный брейд-вымпел. Кораблям предстояло еще несколько дней стоянки, чтобы пополнить запасы провизии и питьевой воды, а затем уже следовать к Аузе – главной базе русского флота в греческом архипелаге. Однако ситуация вновь резко изменилась. Буквально через день прибыл курьер от главнокомандующего российскими войсками в Средиземноморье графа Алексея Орлова. Сообщение курьер привез тревожное: турки скрытно наращивают свои морские силы в Эгейском море. Орлов в связи с этим приказывал идти к островам Крит и Цериги, уничтожая там все турецкие военные суда. В помощь эскадре придавался находившийся уже в тех водах отряд легких судов капитана Войновича.

Как же складывалась в это время обстановка на Средиземном море для русских моряков?

Потерпев два года назад сокрушительный разгром при Чесме, султан Мустафа III лишился всего своего линейного флота. Но у турок морские силы еще оставались, и немалые. В Адриатике и Мраморном море, в Босфоре и у берегов вассального Туниса сосредоточились фрегаты и шебеки, галеры и более мелкие суда. Численность этих судов была велика, что представляло само по себе немалую опасность для русского флота. Было и еще одно немаловажное обстоятельство, заставлявшее русских моряков всегда быть настороже. Дело в том, что эти суда укомплектованы были не нерадивыми турками-анатолийцами, как линейные корабли, а опытнейшими мореходами-пиратами, постигшими все премудрости своего ремесла.

Пока между Россией и Турцией шли длительные безрезультатные мирные переговоры, продолжавшиеся почти весь 1772 год, турки сумели отремонтировать эти разбойничьи суда, пополнить их экипажи.

Адмирал османского флота Гассан-паша замыслил разгромить русские эскадры. Соединив все разбросанные по средиземноморским портам флотилии, он намеревался внезапным ударом истребить крейсирующие русские отряды. Гассан-паша был уверен, что соблюдающий объявленное перемирие противник давно утратил бдительность. Однако Орлов, заметив передвижения турок по портам, тут же велел удвоить наблюдение. Скоро графу через лазутчиков стало известно, что Гассан-паша усердно собирает под свою команду мощный корабельный кулак. Из порта Дульциньо, что на Адриатике, готовилась к удару по русским флотилия из полусотни фрегатов и шебек. На ее борту сидело до восьми тысяч отборных янычар. В поддержку ей должна была выступить из Туниса флотилия неукроти-

мых берберейцев с тремя тысячами профессиональных головорезов. В Босфоре собирались остатки линейного флота, а из Алжира протягивали султану руку дружбы тамошние пираты.

«Такие коварные с неприятельской стороны предприятия, производимые уже в действие, принудили меня принять оборонительное оружие, захватить нужные проходы и отправить в разные места эскадры, а особливо против дульциниотов, морских разбойников, дабы не допустить оных к соединению с тунисцами», – писал в те дни Алексей Орлов в Петербург Екатерине II.

Заступить дорогу дульциниотам и выпало капитану 1-го ранга Михаиле Коняеву с сотоварищами.

Едва его эскадра в семь вымпелов встала у берега Люфет, что неподалеку от острова Цериго, от местных рыбаков-греков пришло известие о неприятеле. Дульциниотская флотилия в восемь больших фрегатов и полтора десятка шебек стояла на якорях у острова Патраса, поджидая еще полтора десятка вымпелов, спешивших к ней из Корфу.

На совете капитанов Коняев заявил решительно:

– Соединения турок допустить невозможно, надо бить поодиночке!

Двадцать пятого октября вдали были усмотрены турецкие суда. Свежий ветер, однако, не дал возможности атаковать немедленно. День следующий начался внезапным нападением. Умело маневрируя, головные «Чесма» и «Граф Орлов» отсекали от основных сил две шебеки и фрегат, буквально изрешетив их своими ядрами. От полного уничтожения турецкие суда спасла лишь непроницаемая южная ночь.

Весь следующий день русские моряки снова боролись со стихией, штормуя с зарифленными парусами. Турки, перейдя под защиту местных крепостей, отстаивались на якорях, готовясь к отражению возможного нападения.

Так настало 28 октября.

Снова поутру был на «Графе Орлове» капитанский совет. Несмотря на жестокую пальбу береговых батарей, решили идти напрямик на неприятельские суда и дать им бой.

– Надежду станем иметь на умелость господ офицеров и матросов да на помощь Господа нашего Всевышнего! – так закончил свои наставления Коняев.

Против 222 пушек на русских кораблях турки имели 420, не считая стрелявших с берега. Но столь большое различие в силах на решение российских капитанов не повлияло.

Красноречивое свидетельство о первых минутах Патрасской баталии оставил в шкапечном журнале флагманского корабля штурман Савва Мокеев: «В начале 10-го часа с обеих крепостей и с неприятельского флота начали производить по нас пальбу, но, несмотря на страсть оной, надеялись на свое мужество и на помощь Всевышнего Бога, чем себя охотно побуждали дать баталию, и мы с эскадрою усиливали прийти к неприятелю в ближнее расстояние, дабы наши пушки удобнее их вредить могли».

Сблизившись на кратчайшую дистанцию, русские корабли разом бросили якоря. По сигналу Коняева ударил первый залп, и сражение началось. Впереди остальных дрались линейные корабли «Чесма» и «Граф Орлов», немного поодаль – фрегаты «Николай» и «Слава», шебека «Забияка», с моря эскадру прикрывали «Модон» и «Ауза».

На исходе часа пополудни Коняев, внимательно следивший за ходом сражения в подзорную трубу, заметил большое замешательство в береговой крепости, которую успешно расстреливала «Чесма».

– Вывесить флаги, чтоб огонь усиливали до крайности! – обратился Коняев к стоявшему рядом вахтенному лейтенанту Лопухину. – Чувствую я, что еще немного поднажать – и турки не выдержат!

– Не разорвало бы на такой стрельбе пушек! – несмело вставил лейтенант.

– Смерти бояться – дома сидеть! – не оборачиваясь, бросил капитан 1-го ранга, снова приставляя к глазам трубу.

Повинуясь приказу, русские суда резко усилили темп стрельбы. Канониры еле успевали отскакивать от дергающихся на отдаче пушек. И неприятель не выдержал... «...В исходе часа увидели мы: от нашей с эскадрой сильной пальбы с неприятельских судов люди бросались в воду с великой торопливостью, иные съезжали на берег, и по ним еще более от нас пальба происходила...» – вспоминал очевидец этой баталии.

Рубя якорные канаты, турецкие суда спешили уйти под самый берег, чтобы там хоть как-то укрыться от смертоносного дождя ядер. Когда турки отошли, Коняев поднял сигнал прекратить сражение с турецкой флотилией и перенести огонь на береговые батареи. До самой темноты гремели русские пушки, и к ночи с берега уже не раздавалось ни одного выстрела.

А с рассветом снова принялись за неприятельские суда. Скоро вся турецкая флотилия пылала единым огромным костром. Это был уже погром!

По распоряжению Коняева вперед прочих вышла шебека «Забияка», самая верткая и маневренная из русских судов. Ей была поставлена задача особая – захватить оставшиеся целыми турецкие суда. Шебека прикрывала две шлюпки. На шлюпках – известные храбрецы констась Сукин и лейтенант Макензи. Перед отплытием наставлял их самолично Коняев. Приказ был краток:

– Что можно вывести из огня – выводить, а что нельзя – сжигать карказами!

Сукин с Макензи действовали отчаянно. Под турецкими пулями они приставали к неприятельским судам и фрегатам, поджигали их и хладнокровно следовали дальше. Когда Макензи подпаливал уже третье судно, на нем вспыхнул камзол. Лейтенанта спасла находчивость: не растерявшись, он выпрыгнул за борт.

К четырем пополудни все было закончено. Дульциниотской флотилии – главной надежды султана на реванш в Эгейских водах – более не существовало. Сожжено и пущено на дно было семь фрегатов и восемь шебек. Бежать удалось лишь одному-единственному судну – новому 30-пушечному фрегату. Прячась за горящими судами, он вырвался из губительной круговерти. Но повреждения, полученные им от русских пушек, оказались, увы, смертельны. Часы беглеца были сочтены: фрегат едва успел втянуться в Лепантский залив – и затонул.

Поздним вечером Коняев собрал сведения о собственных потерях.

– Один убитый и шестеро раненых! – доложили ему.

– Кто убит?

– Лейтенант Козмин!

– Прими, Господи, его душу! – перекрестился Коняев. – Погребать будем по морскому обычаю. Письмо его матушке я отпишу сам!

Так завершилось сражение, вошедшее в историю под названием Патрасского.

Угроза русским позициям в архипелаге с севера, из Патраса, была устранена. А едва граф Алексей Орлов получил это радостное известие, как последовало новое, не менее приятное: отряд греческого волонтера лейтенанта Алексиано отличился в южной части Эгейского моря у Дамьетты, где сжег еще одну флотилию турок, захватив притом изрядный трофей.

...Что еще известно о Михаиле Тимофеевиче Коняеве? Служить он начал в 1743 году, в самое тяжелое для русского флота время – время забвения и всеобщей неустроенности. Неоднократно водил он фрегаты и линейные корабли из Архангельска в Кронштадт, что поручалось морякам наиболее опытным. Известно, что за Патрасскую победу был он удостоен Георгиевского креста 3-го класса.

Как же сложилась его судьба в последующие годы? Об этом мы тоже знаем до обидного мало. Вплоть до самого окончания русско-турецкой войны Коняев находится в непрерывных крейсерствах у Дарданелл. На «Графе Орлове» возвращается на Балтику, командует

линейным кораблем, а затем и Ревельской эскадрой. В 1779 году его производят в капитаны генерал-майорского ранга. Чин этот являлся в те годы как бы подслащенной пиллюлей наиболее заслуженным капитанам, для которых не имелось контр-адмиральской должности.

В том же 1779 году Коняев тяжело заболел. Сказались, видимо, долгие годы, проведенные в непрерывных плаваниях. Из-за болезни его увольняют в отпуск на два года «с сохранением жалования и с дозволением отлучаться, куда он рассудит за благо, для восстановления своего здоровья». Но прошло два года, а Михаилу Тимофеевичу лучше не стало, и в конце 1782 года он окончательно уволился от службы «с полным жалованием по смерти».

Громами отражая гром

Он был очень толст. Так толст, что в зрелые адмиральские годы уже не мог взбираться по трапам на корабли. Для него вырубали в бортах специальные порты и через них втаскивали на палубу. Вспыльчивый и прямой характер толстяка был причиной многих скандалов с вельможами, а личная отвага вызывала восхищение всего российского флота. О нем, герое многих морских баталий, ходили легенды.

Герой Хиосской баталии

Предки Круза были выходцами из Дании. Дед будущего русского адмирала Эген фон Крюйс служил полковником в датской армии, имел небольшие поместья в Скогорской и Остергорской провинциях. Брат его Корнелий записался на службу к Петру I, а через несколько лет Эгер отправил к нему своего сына Иоганна. К этому времени Корнелий стал уже адмиралом, отличился в ряде баталий и был высоко ценим Петром. Рядом с дядей продвигался по службе Иоганн (ставший теперь Иваном). Изменения претерпела и фамилия Крюйсов, постепенно превратившаяся в Круз, а затем в Круз.

Шли годы. В 1725 году не стало Петра. Вскоре капитан бригадного ранга Иван Круз, не поладив со всесильным Меншиковым, был вынужден подать в отставку и уехал с молодой женой в Москву. Там в октябре 1727 года у него появился первенец, нареченный Александром. Над колыбелью младенца отец повесил написанную маслом картину Гангутской виктории.

Детские годы Саши Круза были наполнены встречами с интересными людьми. Бывал неоднократно в доме отставного бригадира его земляк Витус Беринг, заходил почаевничать сосед Василий Суворов, а с ним и сын, тоже Саша. Иван Круз денег на воспитание сына не жалел, нанимая ему лучших учителей и гувернеров. Оправдывая ожидания отца, мальчик рос не по годам смысленным и любознательным. К двенадцати годам младший Круз уже владел несколькими языками, серьезно увлекался геометрией, отлично чертил и рисовал. А еще через пару лет с отцовского благословения надел зеленый кафтан морского кадета.

Учился Саша Круз блестяще и по выпуску был одним из первых. Медлительный, но обстоятельный, он всегда любил разбираться во всем до тонкостей, иногда изводя учителей своей въедливостью и дотошностью. По итогам первой морской кампании усердного гардемарина в числе нескольких наиболее способных молодых офицеров отрядили для получения практики дальних вояжей в английский флот. Без малого семь лет отплавал Круз под британским флагом, где только не побывал. Много полезного узнал, но и характером испортился: стал зол и беспощаден, чуть что – сразу матроса кулаком в зубы, и весь разговор! Тяжко служилось потом нижним чинам под его началом, потому и прозвище дали – Бешеный.

В Семилетнюю войну Круз, уже в лейтенантском чине, отличился при бомбардировке прусской крепости Кольберг, где получил сразу две тяжелые раны. Долго лечился, снова плавал, а несколько лет спустя, уже в чине капитана 1-го ранга, принял под команду новейший 66-пушечный корабль «Святой Евстафий Плакида». В самое короткое время довел его Круз до высшей степени совершенства. Нигде не было такой чистоты и такой обученной команды.

В июне 1769 года на грот-стенге «Евстафия» поднял свой флаг командующий Средиземноморской эскадрой адмирал Григорий Спиридов. Шла русско-турецкая война, и эскадра спешила в эгейские воды. Плавание было не из легких. Под адмиральским флагом Круз участвовал в осаде крепости Корон. А затем была многодневная погоня за турецким флотом через все Эгейское море.

Сражение при Хиосе было яростным. «Евстафий» дрался сразу с несколькими вражескими кораблями на предельно короткой дистанции. Стих ветер, и, влекомый течением, корабль Круза свалился на abordаж с флагманским турецким кораблем. Вскоре «Реал-Мустафа» был захвачен, но возникший на нем пожар потушить не сумели. Прогоревшая мачта рухнула прямо на кюйт-камеру «Евстафия», раздался взрыв...

Взрывом Круза отбросило в море. Вынырнув, он скинул с себя камзол, ботфорты и поплыл саженками к обломку мачты, за который уже держалось несколько человек. Существует легенда о спасении Круза, весьма, впрочем, правдоподобная. Когда к держащимся за мачту людям подошла шлюпка с одного из судов эскадры, в нее втащили всех, кроме Круза.

Каперанг умолял взять и его, но матросы отталкивали Круза прочь. Узнав в обожженном офицере ненавистного всем нижним чинам капитана «Евстафия», матросы схватили весла, чтобы забить его до смерти. Тогда-то захлебывающийся каперанг и поклялся им, что, если ему сохранят жизнь, он больше никого пальцем не тронет. Крузу поверили, и жизнь сохранили. К чести каперанга, он не только не предпринял впоследствии никаких попыток разыскать своих обидчиков, которых за покушение на жизнь офицера ожидала бы неминуемая смерть, но и сдержал слово. На протяжении всей дальнейшей службы он пальцем не тронул ни одного матроса, запретив при этом заниматься рукоприкладством на своих кораблях и другим офицерам.

Через сутки после Хиосской баталии турецкий флот был решительно атакован и полностью уничтожен. По указу Екатерины II за проявленную храбрость в сражении Круз был награжден Георгиевским крестом 4-го класса.

Крушение «Родоса»

Еще не стихли корабельные празднества в честь победы, а граф Алексей Орлов уже определил Круза к новой должности – капитанствовать на плененном корабле «Родос». Столь почетный трофей Орлов решил отправить морем в Россию, но не учел одного – корабль был серьезно поврежден, имел сильную течь. Спиридов с Крузом отговаривали графа.

– Не доплывет «Родос» до Кронштадта, рассыпется!

Но Орлов был упрям. Плыть – и все тут! Очень уж хотел императрицу удивить подарками.

Вряд ли можно считать счастливым корабль, который попал в плен к противнику. Для корабля, как во многих случаях, и для воина, гораздо более славной считается смерть в бою. Может быть, именно поэтому судьба большинства захваченных в плен кораблей весьма печальна. За редким исключением они или вскоре погибают, или влачат во вражеском флоте жалкое существование, пока не устанут маяться с их бесконечными поломками, трофейные корабли при первом же удобном случае списывают на слом. Не стали исключением из общего правила и корабли, захваченные нашими моряками во время войн с Турцией и Швецией.

Название линкору решено было не менять, а так и оставить «Родосом». Команду укомплектовали офицерами и матросами с погибшего во время боя в Хиосском проливе «Евстафия». Среди офицеров «Родоса» были весьма известные в российской морской истории личности: будущие адмиралы Макензи и Пущин, Георгиевский кавалер князь Гагарин, будущий герой обороны Фридрихсгама в русско-шведскую войну 1788–1790 годов Петр Слизов. Это и понятно, служить на захваченных в бою кораблях всегда считалось особо почетным! Но почет почетом, а запущен турками «Родос» был до последней крайности.

Еще до отплытия Круз докладывал адмиралу Спиридову:

– В бортах нашли массу дыр, мышами проеденных, а в трюмах столько грязи, что матросы в обмороки падают, когда ее лопатами выгребают!

На что Спиридов лишь плечами пожимал:

– Все понимаю, но граф требует плыть к пределам росейским!

Круз был настроен пессимистически:

– Поплыть-то я поплыву, но доплыву ли на этакой колымаге, вот в чем вопрос неразрешимый!

Уже через несколько дней плавания с «Родосом» начались проблемы несусветные. Старые паруса изорвались в раз, пришлось менять на запасные грот и марсели, помпы откачивали воду из трюма беспрестанно, но все же едва удерживали уровень в 10 дюймов. Когда же корабль качнуло на хорошей волне, уровень воде в трюме сразу поднялся до 50 дюймов, то есть до отметки критической!

Круз вышагивал по шканцам злой как собака:

– И возвращаться нельзя, и плыть далее смерти подобно, лучше бы уж сразу взорваться, как на «Евстафии», и всем бедам сразу конец!

Из грот-люка вылез старший офицер капитан-лейтенант Иван Бахметьев:

– Вода не убывает, а в помпах вот-вот цепные передачи полетят к черту! Помповая кожа вся в лоскутья!

Круз хмыкнул и повернулся к вахтенному начальнику лейтенанту Мелихову:

– Курс на ост, будем спускаться к островам Цериги и Занте, авось до берега как-нибудь доковыляем!

Тут же кинули клич и собрали кожу со всего корабля, у кого сапоги, у кого куртки штормовые. Все тащили к помпам, чтобы те могли еще хоть немного протянуть.

На пятые сутки команда уже валилась с ног от бессилья – из 250 человек команды сотня уже не могла подняться от слабости. Сам Круз, не сомкнувший ни на минуту глаз, был так слаб, что его водили под руки. Находясь в столь критическом положении, командир велел собрать офицерский совет. Не могущих ходить лейтенанта Демьянова, мичмана Байкова и прапорщика Абатурова принесли туда на носилках. Оглядев прибывших офицеров, Круз сказал, тяжело ворочая языком:

– Положение наше отчаянное! А потому вижу единственный выход – идти к ближайшему берегу, пусть он даже будет турецким, а там будь что будет!

Офицеры своего командира поддержали единогласно. Чтобы облегчить ход корабля, покидали в воду лишние тяжести: большую часть якорей, пушки верхнего дека и ядра. Команде для поднятия духа раздали серебряные рубли. Теперь полузатонувший «Родос» из последних сил ковылял к ближайшему греческому берегу. Наконец, вдали показалась полоска земли.

– Полуостров Майна! – объявил штурман Слизов.

– Хорошо! – слабо кивнул головой Круз. – Ставим корабль на землю и будем спасать людей!

Из хроники плавания линейного корабля «Родос»: «31 октября был принужден от крепкого ветра, изорвания парусов и сильной течи спуститься к острову Цериги; на другой день едва не затонул – вода в корабле доходила до 7 футов, и притом командир, офицеры и почти вся команда были обессилены болезнями; потому в ночь на 5 ноября спустились к ближайшему берегу в бухту Мезата полуострова Майна, и здесь почти затонувший корабль поставили на мель. Люди были свезены на берег, неприязненный нам в этом месте, и стояли на биваках, окруженные разбойными отрядами майнотов, без малейшего укрытия от непогод и чрезвычайно нуждаясь в пресной воде, которую покупали очень дорого».

Шлюпкой на остров Цериги был послан мичман Ефим Пущин, который встретился с местным правителем и попросил его оказать помощь потерпевшим бедствие русским морякам.

Правитель сразу же запричитал:

– Если я помогу вам, то вызову недовольство турок!

– А если вы не поможете нам, то вызовете мщение со стороны графа Орлова, а он, как известно, в долгу никогда не остается!

Имя Орлова было известно в Средиземноморье хорошо, а потому грек был вынужден согласиться:

– Найму шебек и лодок я не препятствую, но если на остров прибудут турки, то я вас от них защищать не буду!

– Обойдемся своими силами! – махнул рукой мичман Пущин и отправился нанимать местных лодочников и шкиперов.

Только 16 числа стали подходить нанятые суда, на которых команда «Родоса» и была перевезена на остров Цериги. Умерли от изнурения: лейтенант Демьянов, прапорщик Абатуров и 21 человек нижних чинов. Корабль, чтобы не достался неприятелю, 7 ноября был сожжен. Две десятивесельные шлюпки, медный колокол и ендова – вот все, что было спасено с этого трофея, так недолго и так плохо служившего России.

Храбр, но своенравен

Орлов гибели «Родоса» Крузу не простил и при первой возможности отправил его в Россию. Почти год каперанг был не у дел, а затем его послали капитаном на... фрегат. Героя Чесмы явно затирали. Но вскоре представился счастливый случай поправить пошатнувшуюся карьеру. Крузу поручили доставить из Любека в Санкт-Петербург невесту наследника Павла – принцессу Гессен-Дармштадтскую. Для такого опытного моряка, как Круз, дело это было несложное, зато шуму вокруг него было много. Принцесса путешествием осталась довольна, и Круз вскоре был назначен на линейный корабль «Андрей Первозванный».

Опять начались плаванья. Через некоторое время Круз возглавил отряд фрегатов. В 1779 году он надел контр-адмиральский мундир, а еще через несколько лет – и вице-адмиральский. Хорошо складывалась и личная жизнь. Александр Иванович женился по любви, купил большой каменный дом в Кронштадте близ Петербургских ворот; пошли дети, а потом и внуки. Так бы, наверное, и остался Круз в памяти потомков героем Чесмы, если бы не новые испытания...

Летом 1788 года нападением шведского короля Густава III на Санкт-Петербург началась новая война. Вице-адмиралу Крузу была поручена защита Кронштадта. А так как все боеспособные корабли во главе с адмиралом Грейгом ушли на поиск неприятеля, ему остался лишь списанный на дрова портовый хлам. В секретной инструкции, данной Адмиралтейств-коллегией, значилось: «По высочайшему Ея И.В. именному указу поручается вам главная команда над сооруженною эскадрой для защищения Котлина острова и самого Кронштадта противу покушений и нападения неприятельского. Вы к сему избраны как искусный, храбрый и неутомимый предводитель, доказавший сие опытами, каковых адмиралтейская коллегия ожидает и в сем новом представляющемся случае, конечно, не упустите оныя оказать».

Подлатав свои «самотопы», вице-адмирал смело вывел их на внешний рейд и находился там, пока не стал лед.

Кампания 1788 года не принесла шведам успеха, несмотря на всю внезапность их нападения. Эскадра русских кораблей под флагом командующего Балтийским флотом адмирала Самуила Грейга в кровопролитнейшем Гогландском сражении отбросила неприятеля от столицы, а затем, преследуя, загнала в шведские порты и блокировала там. С наступлением холодов боевые действия закончились, и русский флот вернулся в базы.

Осенью, простудившись на холодном морском ветру, заболел и внезапно умер адмирал Грейг. Встал вопрос о его преемнике. Офицеры и матросы просили назначить на этот пост Круза. Все с надеждой ждали решения императрицы.

Предоставим здесь слово историку: «Круз пользовался особой любовью и доверием флотской молодежи и нижних чинов. Храбрый, умный и искусный адмирал с отличным боевым прошлым, много плававший и заботившийся о подчиненных, с неуклонным чувством долга и достоинства. Популярность его была так велика, что Балтийский флот его хотел видеть преемником Грейга. Но поспешная прямота, чувство личного достоинства, непозволение наступать себе на ногу привело к наличию многих именитых врагов, и Екатерина II, считая его неуживчивым и строптивым, не поставила его во главе флота...»

Командующим был назначен скромный и добропорядочный человек, но нерешительный флотоводец – адмирал Василий Чичагов. Круз же остался при прежней должности. Подслащивая пилюлю, вице-президент коллегии Иван Чернышев писал ему: «Будьте уверены в искреннем моем желании доставить вам случай, где бы вы могли оказать свое усердие, искусство и храбрость, ибо ничем другим оказать не могу моей любви и почтения».

Всю зиму Круз готовил к боевым действиям свою резервную эскадру, а в июне взял курс на Фридрихсгамский залив, где гребная флотилия принца Нассау-Зигена блокировала шведский гребной флот. Екатерина II поставила француза во главе гребных судов по причине его личной храбрости и международной известности (это был воистину непревзойденный авантюрист).

Четвертого августа Круз на яхте «Ласточка» прибыл в Роченсальм. Вечером того же дня он провел рекогносцировку рейда, на котором предстояло драться со шведами. Узкие проходы среди каменистых островов, через которые должны были прорываться русские моряки, вызвали у адмирала самые мрачные мысли.

– Всякий прорыв здесь будет кровав и погибелен, – заявил он сопровождавшим его офицерам.

На состоявшемся вечером того же дня военном совете Круз принялся доказывать всю пагубность затеи прорыва на Роченсальмский рейд.

– Нельзя атаковать здесь парусными судами, а надлежит вести в сии проливы погибельные галеры да скамповеи! – настаивал он. – Иначе кровью матросской берега зальем!

Нассау-Зиген, разъяренный прямою Круза, принялся обзывать заслуженного адмирала самыми обидными словами, которые успел выучить за свое недолгое пребывание в России. Багровый от негодования Круз сжимал кулаки, едва сдерживаясь.

– Хорошо, – выдал он, когда принц умолк. – Я исполню ваше повеление и займу свое место по диспозиции, но, исполнив долг, я буду просить ее императорское величество об избавлении меня от вашей милости.

Нассау-Зиген ничего не ответил, зато в тот же день отписал жалобу в Санкт-Петербург. Через два дня пришел ответ Екатерины Крузу: «Если до сих пор не вышли по плану Нассау-Зигена и назначенной позиции не взяли, и в дело не вступили, то сдать команду... а самим через Фридрихсгам сухим путем возвратиться...»

– Боюсь быть оракулом, – сказал своим офицерам на прощанье вице-адмирал, – но думаю, много горя принесет нам сей Роченсальм и Нассау-Зиген...

Тринадцатого августа разгорелось ожесточенное сражение, вошедшее в историю как Роченсальмское Первое. Брошенный на произвол судьбы передовой отряд (которым должен был командовать Круз) в течение всего дня в одиночку атаковал весь шведский флот, неся огромные потери. Лишь к вечеру Нассау-Зиген ввел в бой главные силы. Шведы отступили, но цена победы была столь велика, что заставила задуматься многих... Принц же доносил самоуверенно в столицу императрице: «Надеюсь скоро прислать Вам известие о вторичной победе».

Год спустя принц еще раз попытает счастья в роченсальмских водах, атаковав шведов, как и в первый раз. Второй Роченсальм завершится полным разгромом русской гребной флотилии. Сильный шторм довершит поражение. Нассау-Зигена снимут с должности, а Россия недосчитается несколько тысяч своих сыновей... Так оправдаются все опасения Круза.

Но вернемся назад. После отстранения от должности опальный вице-адмирал был снова отправлен в Кронштадт, где занимался укреплением фортов и ремонтом поврежденных кораблей.

– Берегите своих людей, – внушал Круз капитанам. – Почем зря в пекло не бросайте! Поверьте мне, старику, что гибели их напрасной вы себе никогда не простите!

Гибель «Евстафия» с командой лежала тяжелым камнем на его душе.

Звездный час

Весной следующего, 1790 года вице-адмирал поднял свой флаг на флагманском корабле Кронштадтской эскадры. Он вновь был призван встать на защиту столицы от возможных посягательств со стороны шведов. Но никто еще не мог знать, что ему предстоит выдержать удар всей мощи главных сил неприятеля. А вскоре поступили и первые сведения от лазутчиков, что шведы и в эту кампанию предполагают нанести удар флотом по Санкт-Петербургу.

Обстановка осложнялась с каждым днем. Стало известно, что неприятельский флот под командованием брата короля герцога Карла Зюдерманландского уже покинул свои базы и движется по направлению к Финскому заливу. Екатерина II, нервничая, ежедневно спрашивала своего секретаря Храповицкого:

– Скажите мне, что сейчас делает Круз?

Близко знавший вице-адмирала Храповицкий отвечал твердо:

– Будьте уверены, ваше величество, он пересилит самого беса!

Неудовлетворенная ответом, императрица послала в Кронштадт Алексея Орлова (бывшего начальника Круза по Чесменскому походу) посмотреть, что и как. Прибыв на флагманский «Иоанн Креститель», Орлов спросил вице-адмирала с издевкой:

– Когда придут шведы в Кронштадт и Петербург?

Круз лишь указал рукой на свою эскадру:

– Только тогда, когда пройдут через щепу моих кораблей!

Вернувшись, Орлов доложил:

– Можешь спать спокойно, матушка. Круз, как всегда, строптив без меры и дерзок без удержу, однако настроен весьма воинственно и грозитя шведа от Кронштадта отбить...

Перед выходом в море вице-адмирал приехал попрощаться с семьей. Поцеловавшись с женой, велел ей при любом исходе сражения не покидать Кронштадт, дабы не вселять робость в души горожан.

Тем временем шведский флот нанес удар по Ревелю, где стояли на зимовке главные силы Балтийского флота под флагом адмирала Чичагова. Состоялось сражение, и Карл Зюдерманландский был отбит. Неудача не смутила герцога. Расчет его был верен: пока Чичагов опомнится от баталии и выйдет в море, у шведов будет несколько выигранных дней. Этого вполне хватит для того, чтобы растерзать малочисленную эскадру Круза, прикрывающую Санкт-Петербург, и, высадив десант на берег Невы, продиктовать Екатерине II свои условия. Шведский флот спешил к Кронштадту на всех парусах.

Двадцать третьего мая 1790 года противники обнаружили друг друга и сразу же решительно начали сближаться, перестраиваясь на ходу в батальные колонны. Авангардом русской эскадры командовал храбрый моряк и большой друг Круза вице-адмирал Яков Сухотин, арьергардом – контр-адмирал Повалишин, центр возглавлял сам Круз.

В три часа утра командующий поднял сигнал: «Атаковать неприятеля на ружейный выстрел». Ударили первые залпы – это вступили в бой корабли вице-адмирала Сухотина, и скоро сражение сделалось всеобщим. Всю мощь своего первого удара шведский герцог обратил против русского авангарда. Там было особенно жарко. Ожесточение боя нарастало с каждой минутой. От частого огня рвались орудия, калеча и убивая прислугу. В разгар боя пущенным в упор неприятельским ядром оторвало обе ноги Якову Сухотину. Вице-адмирал, однако, нести себя в корабельный лазарет не разрешил, а, истекая кровью на шканцах, продолжал командовать авангардом.

Один час сменял другой. Шведы все усиливали натиск. Однако прогуливавшийся по палубе «Иоанна Крестителя» Круз внешне был спокоен: курил свою любимую глиняную

трубку и шутил с подчиненными. На адмирале был простой камзол с красной анненской лентой через плечо. Столь заметная мишень привлекла внимание шведских стрелков, около адмирала то и дело свистели пули. Оставаясь совершенно безучастным к личной безопасности, Круз весьма внимательно следил за безопасностью своих кораблей, то и дело отдавая необходимые приказания.

Один лишь раз побледнел командующий – когда сообщили ему о ранении Сухотина. Тотчас передав командование сражением капитану флагманского корабля, он на шлюпке устремился к авангарду, чтобы проститься с боевым товарищем. Невзирая на сильный огонь, он достиг цели и успел в последний раз обнять Сухотина. Обнял, поцеловал – и обратно. Под неприятельскими ядрами он обошел всю эскадру. Стоя на шлюпке во весь рост, залитый кровью убитого рядом матроса, он подбадривал команды, отдавал распоряжения капитанам. К всеобщему удивлению, Круз остался жив и снова возглавил сражение.

К вечеру огонь шведов стал ослабевать; их корабли, туша пожары, один за другим выходили из боя. Стихал ветер, и Карл Зюдерманландский занервничал: он боялся штиля. Герцог хорошо помнил, что Круз – известный мастер абордажа. Русская эскадра находилась в прежней позиции. Место боя осталось за ней!

Едва стихли последние залпы, Круз в шлюпке вновь обошел все корабли. Осмотрел повреждения и поздравил подчиненных с одержанной победой.

В тот же вечер Екатерина II получила донесение от Нассау-Зигена, находившегося с гребной флотилией у Выборга. Неизвестно по какой причине принц сообщал, что Круз наголову разбит и шведы вот-вот прорвутся к Санкт-Петербургу. Во дворце вспыхнула паника. Однако около полуночи пришло сообщение из Кронштадта, что Круз был атакован неприятельским флотом, но отстреливался с раннего утра до позднего вечера и остался на старом месте. Екатерина устало опустилась в кресло.

– Теперь я спокойна! – заявила она придворным.

С рассветом следующего дня сражение возобновилось. Теперь шведский командующий наносил удар по русскому центру. «... Утром принц Карл Зюдерманландский вновь спустился на эскадру Круза, но не подходил близко и, желая воспользоваться многочисленностью своих кораблей, делал различные маневры, однако все хитрости неприятеля были безуспешны, – писал один из исследователей этой баталии. – И Круз везде противопоставлял ему искусный отпор». Пытаясь достать русские корабли на предельной дистанции, шведы палили ядрами в воду, чтобы те, рикошета, поражали противника, но это помогало мало. Наши всюду встречали шведов точным и яростным огнем. Ко всеобщему изумлению, в момент наивысшего напряжения на палубе флагмана русской эскадры грянула плясовая музыка! И снова, не выдержав огня, шведы отступили. На этот раз они продержались лишь полчаса. Уже в сумерках Карл Зюдерманландский предпринял еще одну отчаянную попытку пробить брешь в стене русских кораблей. Подняв боевые флаги, шведы устремились вперед. Герцог торопился. Где-то на подходе к Финскому заливу вот-вот должна была появиться эскадра Чичагова. Но ведь у Круза в три раза меньше сил, чем у него! Два дня он продержался, но третьего, решающего удара ему не выдержать! Карл Зюдерманландский шел ва-банк.

Вновь загремели выстрелы, запрыгали по палубам ядра. Шведы напирали со всею мощью, и кронштадтцы изнемогали в неравной схватке. Положение русской эскадры стало отчаянно критическим – неприятелю удалось прорезать строй ослабленной Кронштадтской эскадры. Карл Зюдерманландский уже торжествовал победу – его настойчивость вознаграждена! Однако герцог поторопился: он забыл, кто являлся его противником... По сигналу Круза вперед устремился бывший до того в резерве отряд фрегатов. Совершив лихой маневр, отряд атаковал неприятеля и заставил его отойти. Положение было восстановлено. Русская эскадра по-прежнему преграждала неприятелю путь к Кронштадту.

Наступило некоторое затишье. Шведы совещались, как быть дальше. Не терял времени и Круз. Еще утром, внимательно следя за ходом баталии, адмирал заметил, что противник начал делать холостые выстрелы, стараясь поддержать шум, сберегая в то же время свой порядком истраченный боезапас. Желая проверить догадку, Круз распорядился сделать поворот всей эскадрой на новый курс, чтобы сблизиться с неприятелем. Не приняв боя на кратчайшей дистанции, шведы стали поспешно отходить. Догадка командующего полностью подтвердилась!

Незадолго до полуночи по сигналу с флагмана малочисленная русская эскадра устремилась в погоню за противником. Опасность для столицы была снята: вдали уже белели передовые фрегаты эскадры Чичагова. Шведы, поставив все паруса, бежали к Выборгу. Круз преследовал их неотступно.

А Санкт-Петербург праздновал победу. Горожане стеклились к окнам, выбитые от грома выстрелов. Длинной вереницей потянулись обратно беженцы. Имя Круза было у всех на устах!

Вскоре русский флот блокировал неприятеля у Выборга. Общее командование принял на себя адмирал Чичагов. Спустя месяц неприятель предпринял отчаянную попытку прорваться из окружения и, понеся большие потери, ушел в порты Швеции. Несмотря на новую победу, бегство остатков шведского флота вызвало у русских моряков известную досаду. Виновником происшедшего все справедливо считали Чичагова.

За победу в трехдневном сражении между Кронштадтом и Красной Горкой Круз был награжден одним из высших орденов империи – орденом Александра Невского, а по заключении мира со Швецией получил полный адмиральский чин, Георгиевский крест 2-го класса и шпагу с алмазами «За храбрость».

Любимец флота

Окончилась война, и теперь адмирал Круз ежегодно выводил в море эскадры для практических плаваний. В свободное от службы время он проживал в Ораниенбауме. Екатерина II разрешила занимать многочисленному семейству Крузов небольшой дворцовый дом поблизости от верхнего пруда и бывшей потешной крепости Петра III.

Отдыхая от флотских забот, адмирал распорядился под звуки оркестра ежедневно поднимать с восходом солнца в потешной крепости Андреевский флаг. А в полдень, обозначая обед, палить холостым зарядом из шестифунтовой пушки. Долго терпевшие столь беспокойное соседство помещики, не выдержав, в конце концов отписали жалобу императрице на шумного адмирала.

Екатерина отнеслась к посланию спокойно.

– Передайте Крузу, – велела она своему секретарю, – пусть палит, ведь он привык палить!

Длинными летними вечерами на даче старый адмирал в кругу своей семьи распивал чай и любовался искусственным водопадом. В один из таких вечеров перед дремавшим в кресле Крузом предстал художник в широкополой шляпе.

– Господин адмирал, – сказал он, низко кланяясь, – позвольте мне, скромному труженику кисти, живописать вас в память потомкам.

Круз долго отказывался, но в конце концов уступил дружному натиску домашних. Опытному художнику понадобилось всего лишь несколько сеансов, и, писанный сухими красками на холсте, Круз предстал во всем блеске своих многочисленных наград. За спиной героя кипела жаркая морская баталия...

Адмиралу портрет понравился. Однако, приглядевшись получше, он заметил в нижнем углу надпись: «Громами отражая гром, он спас Петров и град, и дом», Круз поморщился:

– Ваша милость хорошо потрудились, живописав мою натуру, – бросил он недовольно художнику. – Примите деньги. Но немедленно сотрите сие сочинительство, потому как не имеете права оценивать деяния мои!

Художник в ответ улыбнулся:

– Я являюсь, ваше превосходительство, академиком-гравером Скородумовым и послан к вам государыней императрицей. Она же соизволила собственноручно сочинить сии вирши, а портрет с ними вручить вам от нее в дар!

Старик Круз был растроган. Одарив живописца золотой табакеркой, он тут же велел вывесить свой портрет в обеденном зале, а стихи Екатерины внес в свой фамильный герб.

Жил адмирал довольно скромно, без особых излишеств. Дружбу водил лишь со старыми боевыми товарищами. Во дворец ездить не любил, считая это напрасной тратой времени. Но уж когда появлялся там, то привлекал всеобщее внимание своим видом, добродушной улыбкой и степенной походкой. Один из современников отмечал: «Александр Иванович был высокого роста, имел довольно открытый и проницательный взор, живой и вспыльчивый характер. Строгий во всем, что относилось к службе, и столь же добрый в домашнем быту, Круз никогда не отказывал в помощи ближнему и, всегда защищая своих подчиненных, приобрел любовь их и уважение».

Умерла Екатерина II, и на престол вступил Павел I. Шестого ноября 1796 года в сопровождении младшего сына и двух адъютантов Круз отправился в столицу, чтобы принести официальные поздравления Павлу в связи с восшествием на престол. Но доехать до Зимнего дворца адмирал не мог: путь преградили натянутые поперек улицы веревки. Адмирал высунулся в окошко возка:

– Я адмирал Круз, спешу во дворец, пропустите немедленно!

– Его императорским величеством не велено пускать ко дворцу экипажи, когда там идет развод, – ответил полицейский. – Хотите, следуйте пешком!

Круз прислушался. Со стороны Зимнего гремели барабаны, пронзительно свистела флейта – новый император проводил один из своих первых разводов. Кряхтя, адмирал вылез из возка. Адъютанты подхватили его под руки и повели ко дворцу. Круз едва переступал больными ногами. В это время его увидел Павел и сразу поспешил навстречу.

– Мой друг, я иду к тебе, остановись! – закричал он Крузу, размахивая треуголкой.

Подойдя к адмиралу, император обнял и расцеловал его:

– Благодарю тебя, Александр Иванович, за твое ко мне усердие, – сказал он. – Желал бы пригласить тебя к себе, но ноги твои так слабы, что прошу тебя возвратиться...

И, еще раз обняв Круза, Павел пошел к разводу.

Столь необычная милость императора привела в изумление всю столицу. А вскоре последовала и новая милость – награждением орденом Андрея Первозванного. Однако чуть погодя император сменил милость на гнев и, получив на Круза донос, назначил по адмиралу расследование. Обиженный Круз подал в отставку. Узнавши об этом, Павел I извинился, и адмирал вернулся на службу.

Круз со своим упрямством стал в Петербурге фигурой нарицательной. Когда хотели кого-то упрекнуть в несговорчивости, говорили: – Ну, это просто Круз!

Своенравность старого адмирала, однако, весьма часто шла на пользу. Так, после долгих споров с императором Круз добился замены прусской формы одежды для морских офицеров на более удобную. Событие по тем временам невероятное! Надо ли говорить, как благодарны ему были на флоте, когда взамен тяжелых ботфуртов ввели короткие облегченные сапоги, вместо треуголок – фуражки, а нелепые краги с раструбами заменили на обычные перчатки!

Здоровье адмирала меж тем быстро ухудшалось. К ожирению добавилась тяжелая болезнь ног, часто болело сердце.

Весной 1799 года адмирал готовился, как всегда, возглавить плавание корабельной дивизии. Флагманский корабль «Ростислав» ждал своего командующего, но Круз уже не мог подняться с постели. Узнав о болезни адмирала, Павел I распорядился немедленно перевезти Круза из Кронштадта в Ораниенбаум на отдых и лечение. Первого мая 1799 года его доставили на катер.

– Поднимите меня, хочу в последний раз взглянуть на любимцев моих! – Старик плакал.

Офицеры взяли в руки концы одеяла, на котором лежал адмирал, и подняли его. Вдалеке виднелись паруса кораблей Балтийского флота России. Они готовились выйти в море, готовились к новому походу, но впервые без Круза...

Пятого мая в десять часов пополудни сердце старого адмирала остановилось. Было ему тогда семьдесят два года.

Корабли приспустили флаги, офицеры в знак траура вплели в галстуки черные ленты. Проводить Круза в последний путь вышел весь флот. Многотысячная толпа заполнила Кронштадт.

На скромном надгробии его могилы, что находится на Кронштадтском морском кладбище, выбили, согласно завещанию Круза, лишь две строки:

Громами отражая гром,
Он спас Петров и град, и дом...

За мной, кто в Бога верует!

Капитана 2-го ранга Христофора Ивановича Остен-Сакена знали на флоте как офицера грамотного и опытного. Нынешняя война против турок, начатая в прошлом, 1787 году, была для него уже второй. Однокашники по морскому корпусу, те, кто на Балтике плавал, дослужились до чинов бригадирских, Сакен же всего-навсего получил капитана 2-го ранга. Причина тому была самая заурядная: Черноморский флот молодой, и штаты на нем невелики. Просился было еще перед войной Сакен в эскадру Севастопольскую, чтоб чин следующий там получить, но главный начальник морской контр-адмирал Мордвинов не пустил, придержал на флотилии гребной. Да Христофор Иванович сильно и не расстроился: надо – значит, надо!

Командовал в то время Остен-Сакен дубель-шлюпкой, неуклюжим гребным судном о сорока двух веслах и пятнадцати пушках. И хотя слава об этих дубель-шлюпках на флоте шла самая худая, ибо тонули они при каждом шторме нещадно, Сакен службой был доволен вполне. С началом войны судно сакенское во всех боях участвовало с неизменным успехом, заслужив похвалу самого князя Потемкина.

Во второй половине мая 1788 года русские гребные суда собрались в низовьях Днепра, у Голой пристани, в ожидании турецкого флота. Впереди, на выходе из днепровского лимана, находился лишь передовой отряд. Его задача – оказать поддержку Кинбурнской крепости и вовремя предупредить командующего флотилией о появлении турецких сил. Отрядом этим и командовал капитан 2-го ранга Сакен. В подчинение его помимо собственной дубель-шлюпки входили еще два мелких судна под началом француза-волонтера Роже Дама, наглеца и авантюриста.

Двадцатого мая на горизонте забелели многочисленные паруса. Скоро стало окончательно ясно, что это турецкий флот. Командующий кинбурнской обороной генерал Александр Суворов велел звать к себе Сакена.

– Вот что, – сказал он, когда кавторанг прибыл. – Уходи, Христофор Иванович, в лиман. Противу турецкого флота тебе не выстоять, а суда и людей губить понапрасну не надобно!

– Шебеки я отправлю немедленно, а сам задержусь немного. Надо турок посчитать получше, чтоб знать, с кем ныне дело иметь придется! – ответил командир дубель-шлюпки.

– Ладно! – кивнул Суворов. – Но поторапливайся!

Вскоре обе шебеки графа Дама покинули Кинбурнскую крепость. Молодой граф, метко прозванный Суворовым «сопливцем», на энергичной гребле уводил свои суда в лиман. Еще немного – и они скрылись из виду.

– За этих я спокоен! – вытер платком потный лоб Сакен. – Теперь займемся турками.

Подсчет сил турецкого флота оказался делом далеко не простым. Близко к берегу неприятель не подходил, а различить число его судов в стелющемся над волнами тумане было сложно. Но вот, наконец, и эта задача выполнена. Сакен срочно прибыл к Суворову. Тот протянул ему запечатанный красным сургучом пакет:

– Передашь принцу! Поспешай! Сведения о турках весьма важны!

В письме к командующему Лиманской флотилией принцу Нассау-Зигену Суворов писал: «20 мая 1788, Кинбурн. Когда я окончил письмо, басурманский флот явился величественно в числе 52 судов. Из них многие уже стоят на якоре под Очаковым. Там их 4 галеры, 2 бомбарды и 4 линейных корабля... Сакен уходит отсюда. Я предполагаю, если только старый капитан-паша находится на флоте, то не пройдет суток, как он нападет на нас. Это было написано в 8 часов утра, а в 9 часов мы увидели еще 22 парусных судна... Галеры, бомбарды, шебеки, шлюпки числом 34 судна стояли вдоль берега Очакова у крепости... Обнимаю Вас, принц. Да увенчает Вас Господь лаврами».

...На выходе Сакен столкнулся со своим старым товарищем подполковником Козловского полка Федором Марковым.

– Будь осторожен! – сказал тот, беря капитана 2-го ранга под локоть. – Турки, кажется, в обход крепости к лиману двинулись!

Сакен лишь махнул рукой:

– Положение мое отчаянное. Единственное спасение – прорыв, да и пакет доставить надобно. Ежели турки атакуют меня двумя судами, я возьму их, с тремя буду сражаться, от четырех не побегу, ну а если нападут больше, тогда прощай, Федор Иванович, мы боле не увидимся!

– Ни пуха ни пера! – крикнул Марков вдогонку.

– К черту! – отмахнулся Сакен.

Через четверть часа дубель-шлюпка, выгребая на пределе сил, устремила к Днепровскому лиману. Сакен не знал еще, что турки, не ограничившись демонстрацией сил у Кинбурна и Очакова, уже направили скрытно часть гребного флота в лиман. Но и не зная этого, опытный кавторанг старался идти ближе к берегу, чтобы быть менее заметным со стороны моря.

Скрытно проскочить, к сожалению, не удалось. Противники заметили друг друга почти одновременно. От скопища турецких гребных судов сразу же отделились тринадцать галер и бросились на пересечку русскому судну.

Наши уходили на веслах. Матросы гребли отчаянно, до кровавых мозолей на руках.

– Два! Р-р-раз! Два! Р-р-раз! – хрипло выкрикивали начальствующие над бортами мичмана. Но куда неуклюжей и тихоходной дубель-шлюпке тягаться в ходкости с быстроходными и маневренными галерами! Дистанция между судном Сакена и преследователями быстро сокращалась. Вскоре турки уже поровнялись с дубель-шлюпкой.

– Сдавайся, урус шайтан! – кричали они весело, за перила палубные свешиваясь.

– Ишь, губы-то раскатали! – усмехнулся Сакен. – Пали по ним, ребята!

Первые же русские ядра, пущенные почти в упор, буквально разнесли в щепки борт ближайшей галеры. Заваливаясь набок, галера тотчас отвернула к берегу, А Сакен уже разворачивал дубель-шлюпку форштевнем на неприятеля. Это не было безумием! Маневр был единственно верным решением в сложившейся ситуации. Дело в том, что дубель-шлюпки предназначались для ведения морского боя в строю фронта, а потому почти вся артиллерия располагалась у них в носовой части. У Сакена там стояли две 30-фунтовые пушки и одна 12-фунтовая. Вдоль бортов же находились лишь мелкие орудия да фальконеты.

Но сейчас Сакена волновало иное.

– Шлюпку на воду! – скомандовал он.

В нее попрыгали гребцы. Старшему, седому унтеру, кавторанг вручил судовой флаг и суворовский пакет.

– Уходите под берег! – говорил напоследок. – Пока османы нами заниматься станут, вы и проскочите. С Богом!

– Не сумлевайтесь! Все сделаем как должно! – отвечал старый моряк, слезы вытирая. – Может, еще и свидимся!

– На том свете все повидаемся! – бросил Сакен. – Дорога каждая минута. Отваливайте!

Пока турки робко обходили со всех сторон одинокую дубель-шлюпку, старый унтер сумел уйти на своем суденышке к берегу и укрыться в прибрежных зарослях. Да турки и не преследовали его. Все были заняты дубель-шлюпкой. Еще бы: ведь награда за ее пленение обещана немалая. По этой причине среди галер творились толкотня и неразбериха. Каждый желал быть первым!

Наконец турки разобрались. Действия их стали согласованными и энергичными. Однако за это время русские моряки вывели из строя еще два неприятельских судна. Отвер-

нув в сторону, галеры густо пачкали небо дымом разгорающихся пожаров. Зато остальные бросились в решительную атаку.

Уверенно маневрируя, Сакен трижды уходил от таранных ударов. Но промахиваясь, галеры снова и снова заходили в атаку. И неизбежное случилось... Пока Сакен уворачивался сразу от двух галер, из-за них выскочила третья и на полном ходу врезалась в борт дубель-шлюпки. От сильного удара рухнула мачта, полетел в воду носовой шпирон.

– Алла! Иль Алла! – заголосили турки, ринувшись на палубу.

– За мной, кто в Бога верует! – выхватил шпагу Сакен.

Орудя мушкетонами, банниками и интрепелями, сакенцы отбросили первых, но на их место уже набегали вторые, третьи... Новый удар – это с другого борта сцепились с дубель-шлюпкой новая галера, за ней еще и еще... Вскоре рукопашный бой кипел по всему судну. Наши бились отчаянно, пощады не просили, но силы были неравны. Вот уже большая часть палубы захвачена врагом, вот уже торжествующие турки прицепили на обрубок мачты свой флаг.

– Господин кавторанг! – прохрипел перепачканный своей и чужой кровью боцман. – Кидайтесь за борт, а мы тут вас прикроем!

Сакен, не отвечая, отмахнулся: мол, нашел о чем!

– Надо пробиваться к крюйт-камерскому люку! – крикнул он боцману. – Прикрывай мне спину!

Так, отбиваясь штыком и шпагой от наседавших турок, офицер и матрос пробивались к цели. Вот и крюйт-камера. У люка вповалку лежат наши и турки. Не теряя времени, Сакен схватил кем-то брошенный у пушки тлеющий фитиль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.